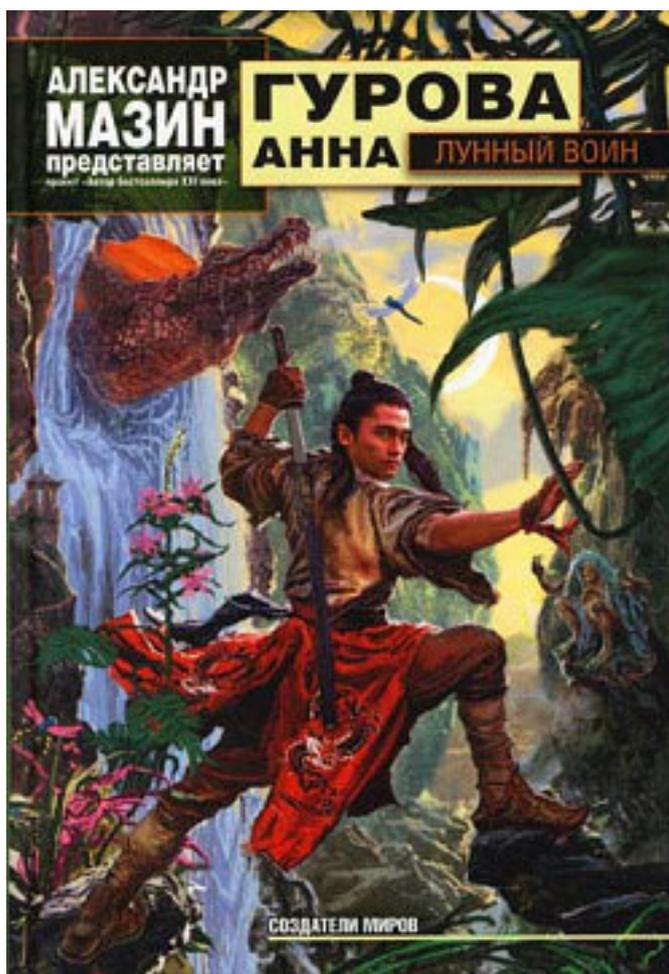

**АЛЕКСАНДР
МАЗИН**
представляет

ГУРОВА

АННА **ЛУННЫЙ ВОИН**

СОЗДАТЕЛИ МИРОВ

ЛУННЫЙ ВОИН

Анна Гурова

ЛУННЫЙ ВОИН

«Автор»

2007

Гурова А. Е.

Лунный воин / А. Е. Гурова — «Автор», 2007 — (Лунный воин)

Мальчишка из рыбацкой деревеньки готовится стать помощником местного жреца. Однако ему уготована другая судьба: полоса суровых испытаний на грани между жизнью и смертью, жестокие и могущественные враги...
Совсем иначе могла сложиться жизнь наследника Лунной династии, если бы имперская политика не вынудила родителей держать в тайне его рождение. Но придет время, тайное станет явным и Лунный воин силой возьмет то, что принадлежит ему по праву.

© Гурова А. Е., 2007

© Автор, 2007

Содержание

Пролог	5
ПЕРВАЯ ЧАСТЬ	8
Глава 1	8
Глава 2	15
Глава 3	18
Глава 4	22
Глава 5	27
Глава 6	31
Глава 7	35
Глава 8	42
Глава 9	46
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Анна Гурова

Лунный воин

Пролог

Мы с шаманом сидим у южной стороны святилища, там, где обрушилась от старости каменная ограда, и через пролом видна степь – легкие сухие травы до самого края земли. Полдень. Вокруг пусто, безлюдно. Только трещат кузнечики в траве да невыносимо палит солнце.

Никто в деревне не выйдет ни к реке, ни в поле в этот час: мужчины спят после утреннего лова, а их жены посиживают в тени на открытых верандах, болтают и пьют чай. Вокруг нас повсюду обломки стены, камни рассыпаны среди травы, колючей и острой. На камнях греются ящерицы, в горячем воздухе проносятся рыжие стрекозы, вспыхивая радужными крыльями.

Наш деревенский шаман, дед Хару, сидит неподвижно на своем обычном месте, в тени колючего дерева лох, на соломенном коврике – сидит тихо, словно умер. Шаман маленький и худенький, как мальчик, смуглое старушечье лицо похоже на жухлую сливу, в густой сетке морщин и складок прячутся прохладные голубые глаза. Сейчас веки деда опущены, лицо безмятежно, как у тех спящих богов, которые вырезаны на древних могилах у святилища, ладони покоятся на коленях – кажется, что и не дышит. Вдох – тишина. Долго-долго грудь не шевелится. Потом выдох. Снова ни шевеления. Но я уже привык, я знаю, что так и надо. Дед Хару рассказал мне однажды, и я все понял. Он думает великие мысли. О небе – сразу обо всем, со всеми облаками, птицами и феями. О нашей реке Микаве, как она течет мимо ста островов в океан. Если все делаешь правильно, сказал мне дед Хару, то ками поднимут тебя над землей. Невысоко, на ладонь. Я пробовал, у меня уже почти получается, но не хватает терпения. Поэтому я играю рядом, очень тихо. Без топота и воплей: ползаю в траве и шепчу.

Я охотник. Я охочусь на драконов. Ну, на самом-то деле – на стрекоз. Они прилетают из глубины рощи, от ручья, где скрыты их тайные гнездилища. Вот одна сидит, покачиваясь на конце сухой травинки, – огромная ржаво-золотистая дракониха с выпученными глазами, похожими на радужные капли. Страшные челюсти у нее так и ходят из стороны в сторону. Бабушка Ута один раз взяла стрекозу за крылышки и дала той покусать себя за палец: «Вот, Мотылек, смотри, какая она хищная, прямо как тигр!» Стрекоза трепыхалась и кусала так злобно, что я не выдержал и заплакал, так мне стало жалко бабушку. «Никогда не лови стрекоз, – сказала потом она. – Есть поверье, что стрекоза – проводник в Нижний мир. Кто убьет стрекозу, тот сам скоро умрет».

Но я все равно на них охочусь. Охотник ничего не должен бояться, иначе он уже не охотник. Настоящие мужчины не знают страха.

Когда на берег Микавы возле водопоя приплыла ужасная полосатая гадюка длиной в три моих руки с лягушкой в пасти и улеглась там на песочке, чтобы поесть, все боялись к ней подойти – ни мальчишки, ни женщины, ни коровы с козами не могли пройти к воде. Потом женщины увидели знакомого рыбака и дружно заголосили: «Иди сюда, дядюшка Карп, спаси нас!» Рыбак подошел к гадюке, сплюнул – «Экая погань!» – и ударил ее веслом поперек хребта. Гадюка взметнулась, как хлыст, женщины завизжали и отшатнулись. А рыбак еще раз ударил ее веслом – и она упала на песок, как будто сломанная пополам, и одна ее половина дергалась, а другая лежала неподвижно, и лягушка выпала у нее из пасти, уползла в воду и там спокойно умерла от яда.

...Стрекоза как будто приглашает поиграть в пятнашки, перелетая с травинки на травинку. Я поймаю эту стрекозу в шапку, отнесу бабушке и скажу:

«Смотри, я поймал дракона!»

А она скажет:

«Ах, какой ты храбрый, Мотылек! Выброси немедленно эту гадость!»

Голову печет солнце, между лопаток стекает пот. Еще прыжок! Опять отлетела... Но я настигну ее, я устал, значит, и она тоже – ведь я больше и сильнее. Терпко и вкусно пахнет горячая трава. Говорят, солнце иногда поджигает ее, и если степь загорится, то никто, даже войско императора, не сможет ее потушить, пока всё не сгорит дотла. Оглушительно звенят серые кузнечики. Их тут много, и я вижу, как они прыгают в траве. Стрекоза совсем близко. Еще прыжок! Я лечу вперед, выставив перед собой соломенную шляпу, и стрекоза в ловушке! Есть! Поймал! Ой... Где я?

Нет ни осыпавшейся стены, ни деревьев с острыми листьями. Нет деда. Со всех сторон, куда ни глянь, – только мертвые травы равнины. И – Солнце. Солнце огромное, во все небо, палящее, жестокое. Бабушка говорит – надо быть очень осторожным с Солнцем. Есть время Солнца, есть время Луны. То, что между ними, – наше, людское. Не выходи на улицу в час Солнца, Мотылек, или оно увидит тебя, разгневется и напустит на тебя злых духов – квисиннов... У меня кружится голова. Всё громче верещат кузнечики. Кто-то шуршит в сухой траве, то справа, то слева, словно хищные твари подбираются ближе, окружают меня кольцом. Мне становится страшно и тоскливо. Здесь кто-то есть, кто-то охотится на меня. Гадюки? Квисины? Или...

Небо внезапно темнеет, над головой проносится тень, и я чувствую, как на меня падает ненавидящий взгляд. Совсем близко раздается жуткий нечеловеческий голос, похожий на приглушенное рычание:

– Я обещал, что найду тебя и съем? Вот ты и попался, гаденыш!

Я узнаю голос, и меня охватывает дикая паника. Никаких чувств, кроме ужаса, никаких мыслей, кроме одной, – бежать сломя голову куда угодно, лишь бы подальше от этого голоса и взгляда! Дед, куда ты пропал?! Спаси меня! Они меня нашли! Дед, дед! Где ты?!!

Ким распахнул глаза и рывком сел на кровати. Сердце колотилось так, будто он действительно мгновение назад чудом ускользнул от верной гибели. Простыня была мокрая от пота. Ким свесил ноги на пол и сел на край кровати, постукивая зубами и бормоча про себя как заведенный: «Он умер, умер, уже больше десяти лет прошло, и его хозяин тоже, я сам это видел. Они оба мертвы, сгорели, на моих глазах превратились в головешки. Всё давно кончилось... Это был просто сон!»

Когда сердце перестало рваться наружу, Ким встал с постели и подошел к окну. Отодвинул штору, глубоко вздохнул... Из сада веяло сыростью. Ночи уже прохладные – конец лета, как-никак. В густо-синей вышине, по-осеннему яркий, раскинулся Цветочный Балдахин – семизвездный полог над тронем Небесного Императора. В предрассветной синеве чернели замысловатые крыши Поднебесного Удела, кое-где в домах уже горели одинокие огни. «Скоро рассвет, – успокаиваясь, подумал Ким. – Нет, все-таки чудной сон, да еще накануне такого важного события в моей жизни, как государственный экзамен! Это всё не просто так! Надо же – дед Хару приснился, прямо как живой, впервые за десять лет, я уж начал забывать, как он выглядел... Что бы это значило? А, понял! Не иначе дед явился, чтобы благословить воспитанника перед экзаменом! Спасибо, дед!»

Ким мысленно отвесил ему глубокий поклон.

«Хмм... а почему только дед? Где остальные предки? Почему я никого не вижу? Где же вы, уважаемые князья Енгоны?»

Впрочем, предков можно понять, довольно непочтительно подумал Ким. Во-первых, к чему создавать толчею? Куда удобнее являться по одному. Правда, тогда благословение затянется на несколько месяцев... Ким, ухмыляясь, представил себе сотни поминальных табличек в семейной часовне, прикинул длину очереди, в которую выстроится несколько десятков поко-

лений Лунной династии. Это первая причина. А вторая – с чего бы это предкам вздумалось благословлять приемыша? У них и родных внуков хватает.

«Хотя дед Хару ведь тоже мне не родной. Просто один из случайных людей, которые воспитывали безродного сироту в разное время...»

Прохладный ветерок опять нагнал сон. Ким потянулся, зевнул и посмотрел в темноту у дальней стенки, где находилась стойка для мечей.

«Повезло все-таки этому безродному сироте», – подумал он, прогоняя последние остатки детского страха. На стойке хранились три меча: два деревянных – для тренировок – и один боевой. Несмотря на темное происхождение приемыша, дядя Вольгван обучал его воинским искусствам наравне со своими сыновьями, и Ким привык к мечу настолько, что без него чувствовал себя так, словно вышел на улицу без штанов. Но завтра придется оставить меч дома. Зачем он студенту, которому предстоит целый день, скрючившись в экзаменационной кабинке, писать сочинение на заданную тему, да еще и в стихах?

Низко над крышами соседских усадеб висела луна. Внизу, в саду, летали пульсирующие жемчужинки – светлячки. Дядя Вольгван приказал напустить их в сад для красоты и чтобы они напоминали ему об островах Кириим, где прошли лучшие годы его жизни.

Ким со вздохом вернулся в остывшую постель, думая о государственном экзамене. В голове, откровенно говоря, была полная каша.

Накануне вечером он до полуночи беседовал с другим дядей, отставным генералом Ильченем Енгоном, на предполагаемые экзаменационные темы и теперь молился только об одном – чтобы ему не выпал вопрос по этике или философии. «Пожалуйста, дедушка и прочие предки, пошлите мне что-нибудь конкретное! – взмолился Ким, закрывая глаза. – Южные войны, умиротворение варваров, мятеж красноповязочников...»

«Главное на войне против варваров, сынок, правильно провести зачистку, – пробубнил у него в голове голос дяди Ильчена. – Вводишь войска в селение, окружаешь общинный дом и поджигаешь с нескольких сторон сразу. Если из дома выбегают женщины и дети – значит, селение мирное, а если мужики с вилами и красными повязками на голове – значит, мятежное. И тогда...»

«Хм, а если никто не выбегает?»

«Значит, мои храбрые воины перестарались, и огонь разгорелся слишком быстро».

Ким ухмыльнулся, представив себе дядю, перелег на другой бок. Мысли мешались, дядины поучения сливались в невнятное бормотание...

«На самом деле все эти разговоры об умиротворении – чепуха, сынок. Горные варвары из Чокче воюют, потому что такова их природа: наши прадеды с ними воевали, и наши правнуки тоже с ними будут воевать, попомни мои слова. Ой, главное, не ляпни этакого в сочинении, не то отправишься из экзаменационной кабинки прямо в тюрьму...»

Ким еще раз улыбнулся сквозь дрему – и крепко заснул.

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ

Глава 1

В разгар дружеской попойки появляется бес и предлагает Киму совершить убийство

Еще не совсем закончился день, облака дотлевали на западе и наливались угольной чернотой на востоке, а над садом столичного дома богатых купцов Люпинов уже взошла полная луна и, как и было задумано геомантом-архитектором, угнездилась точно в центре «лунного окна» размером в полстены – круг в круге, – к полному восторгу гостей.

– Среди хвои сосновой Слепит-блистает луна... – продекламировал Рей Люпин, сын хозяина дома, первые строки древней песни и сделал паузу – кто из друзей узнает и подхватит?

Первый гость, Чинха, уставившись на луну нетрезвым взором, как раз думал о том, что она похожа на непрожаренный пшеничный блин...

– Какая луна! В эту ночь даже птицы в гнездах дверей не закрыли! – чуть замешкавшись, отозвался второй гость, Ким, пятнадцатисложным киримским трехстишием. Рей поморщился – здесь, в столичном городе Сонак, островные частушки вообще поэзией не считались, – однако ничего ему не ответил. Во-первых, зачем обижать друга, а во-вторых – толку-то? Не то чтобы Рей был большим любителем стихов, однако в будущем рассчитывал сделать карьеру и попасть в такие дома, где водятся истинные ценители утонченности и начитанности.

Луна всходила незаметно, становясь с каждым мгновением все ярче и светлее, но не прошло и нескольких минут, как кромка «лунного окна» срезала ее верхний край, и безупречная гармония была нарушена. Тогда гости, для приличия повздыхав, обернулись к столу и больше о луне не вспоминали.

Главным украшением низкого лакированного стола была армия кувшинчиков со сливовым вином – каждый как раз такого объема, чтобы хватило разлить в три чарки – из них не менее половины уже пустые. На свободном от кувшинов месте громоздились тарелки в виде рыб и перевернутых черепаших панцирей, где в остатках подливки плавали недоеденные кусочки мяса и хлебные корки. Еды было приготовлено столько, что даже трем оголодавшим за день парням не удалось умять все без остатка. Что касается выпивки, то ее, как известно любому студенту, много не бывает.

Рей Люпин, старший сын купца-оптовика, приехал поступать на государственную должность из богатой южной провинции Сондже. Его отец истратил немало средств на наемных учителей, рассчитывая в будущем, когда Рей вернется в родные края высокопоставленным чиновником, вернуть их с процентами. В успехе сына он не сомневался, с купеческой трезвостью оценивая его быстрый ум, упорство и честолюбие. Вместе с Реем приехал его сосед и давний приятель, великовозрастный бездельник Чинха. По настоянию родителей он приезжал на экзамен уже третий раз, и всё говорило о том, что он снова провалится. Оба они были из старинных, хоть и незнатных семей. Рей выглядел классическим имперцем, хоть агитационный плакат с него рисуй – коренастый, темноволосый, с гордой осанкой и правильным, слегка скуластым лицом, всегда хранящим выражение скромного достоинства. У Чинхи физиономия была, наоборот, некрасивая и неблагородная, с мохнатыми бровями и носом картошкой, но его это, казалось, нисколько не заботило.

Ким Енгон, который познакомился и подружился с провинциальными кандидатами незадолго до экзаменов, выглядел ходячей противоположностью имперского идеала мужчины. Он был типичным уроженцем провинции Кирим, большого восточного архипелага, четыреста лет

назад завоеванного империей: миниатюрный, стройный, большеглазый, из тех мужчин, которые похожи на мальчиков до глубокой старости. В Сонাকে за яркие голубые глаза Кима то и дело обзывали бесовским отродьем и колдуном. В ответ он огрызнулся, что на его родных островах колдунами считаются как раз обладатели зловещих темных глаз, характерных для большинства коренных имперцев.

К какому этническому типу принадлежал четвертый гость, толстяк Хэ, определить было бы непросто, поскольку тот давно уже спал в углу, с головой завернувшись в сорванную с окна занавеску.

Приятели собрались поужинать, чтобы отдохнуть душой и телом после длившегося целый день госэкзамена. Праздновать было пока нечего, поскольку оценки обещали объявить только послезавтра. Однако развеяться после многочасового утомительного сидения на одном месте и напряжения всех умственных сил было просто необходимо. Для этого еще накануне было закуплено вино, заказан ужин и приглашены танцовщицы-кисэн, точнее, одна плясунья и две певицы с лютнями. Но денег у приятелей хватило только на полтора часа, после чего танцовщицы, спев и сплясав все, что положено, ушли, с натренированной вежливостью не поддаваясь на пьяные уговоры остаться и присоединиться к празднеству. Правда, впопыхах кисэн забыли лютню. Ким фальшиво тренькал на ней, пока Чинха не отобрал ее и не стукнул его этой лютней по голове. Лютня переломилась пополам, и Ким выкинул ее в окно, в колючие кусты, как будто ее тут и не было. Проводив луну, гости вернулись к прерванному разговору. Обсуждали, кому какая тема досталась на экзамене и чья была отвратительнее. Впрочем, Рей считал, что ему с вопросом повезло.

– «В нашем мире нет ничего бессмертного, кроме империи». Это цитата из Древнего Конопляного Старца. Вот был мой вопрос. А раскрыл я его приблизительно так, – неторопливо рассказывал Рей, отщипывая кусочки от края абрикосовой запеканки. – Династии могут меняться, но империя вечна. Империя является зеркальным отражением небесной божественной иерархии и одновременно – ее продолжением в нашем мире. Поэтому нет ничего устойчивее и естественнее империи. Как форма существования общества она глубоко соответствует устройству Вселенной. Гибель империи – самое ужасное, что можно себе вообразить. Правитель, который не действует на благо империи, обречен на гибель и неудачу. А чиновнику, чьи не сбалансированные с природой действия повлекли за собой ущерб империи, лучше и вовсе не рождаться на свет... Вот. И каждый тезис, естественно, подкреплен цитатами из классиков... По-моему, тема – проще некуда.

– Ха, простая, – буркнул Чинха. – У тебя все темы простые. Меня бы так же натаскивали...

– А тебе что досталось? – перебил его Ким.

– Кошмарный вопрос. Описать три основные внешнеполитические доктрины империи. Я вспомнил только одну, да и та, кажется, не наша, а киримская...

– Да, тут мыслить отвлеченными категориями не нужно, – сказал Рей. – Просто перечислить факты. Стратегия Вьюнка, стратегия Гусеницы, пожирающей тутовый лист, стратегия Умиротворения варваров руками других варваров...

– Ох, – завистливо вздохнул Ким. – Мне бы эту тему! Мы с дядей Ильченом только вчера всё это обсудили. Знаешь, Рей, он ведь умиротворял горных варваров Чокче...

– Ага, – ехидно подтвердил Чинха. – Его именем там до сих пор детей пугают.

– А ты откуда знаешь?

– Отец рассказывал. Ему пришлось свернуть торговлю на южном направлении – не с кем стало торговать...

Чинха распечатал очередной кувшинчик, разлил вино по чаркам. Луна ушла из окна, поднявшись высоко над деревьями, и кабинет сразу погрузился в полумрак, который едва рассе-

ивали два масляных керамических светильника по углам стола. Вокруг каждого тучкой вилась ночная мошкара, застилая свет.

– А этому что попало? – спросил Рей, указывая на спящего Хэ.

Ким и Чинха одновременно ухмыльнулись.

– Ему, как по заказу, – сказал Чинха. – Проанализировать философскую категорию «хэ-хэ».

– Очень простая тема, – заявил Рей. – Философема «хэ-хэ», или «согласие и единение», означает всемирную гармонию, равновесие мужского и женского начал...

– Слушайте, что я придумал! – встрял Ким. – Градация мужского начала: хэ-хэ, хи-хи, ха-ха и о-хо-хо!

Чинха расхохотался. Рей снисходительно усмехнулся – он эту шутку уже слышал раз пятьдесят.

– А тебе-то какая тема досталась? – спросил он Кима.

Тот сразу опечалился.

– Я, наверно, провалился, – уныло сказал он. – Это всё предки виноваты. Подсунули мне, старые сволочи, абстрактно-этическую тему: «Три источника зла в государстве».

– И как?

– Ну, родил какую-то ахинею... Сейчас, вспомню... В общем, вкратце так. Исходный постулат – все зло от бесов. Значит, первый источник зла – бесы, стремящиеся разрушить империю. Второй источник – это варвары, подстрекаемые бесами и стремящиеся к тому же. И третий – это высшие чиновники империи, обманутые бесами и потому не понимающие, в чем заключается благо империи. От них – самый страшный вред.

– По-моему, все очень гладенько, – одобрил Чинха.

– По-моему, полная чепуха, – не согласился Рей. – Где ты это вычитал?

– Сам придумал. Прямо в кабинке.

– А ссылки на источники? А цитаты? Сочинение без цитат – это не сочинение, а просто испорченный лист бумаги. Годен только подтереться и выкинуть.

Ким пожал плечами и зевнул во весь рот.

– Ким мог сдать чистый лист или нарисовать на нем карикатуру на главного экзаменатора, – слегка заплетающимся языком сообщил Чинха. – Ха! Хотел бы я посмотреть, как эти бюрократы посмеют завалить парня из рода Енгонов!

– Чепуха! – резко ответил Ким. – Во-первых, правила едины для всех сословий, а во-вторых, я не Енгон, и потому...

Не успел Ким договорить, как в окно дохнуло легким ветерком, пламя замигало в светильниках, а Чинха свесил голову набок, свалился на пол тряпичным тюком – и неожиданно уснул.

– Вот те раз! – слегка презрительно сказал Рей. – Да, что-то слаб стал братец Чинха. Раньше, бывало, все уже под столом, а он все чешет языком. Наверно, стареет.

– Это на него проблема зла так подействовала, – предположил Ким.

И, приняв у павшего товарища боевой пост, распечатал очередной кувшинчик.

– Кстати, – с интересом спросил его через минуту Рей, когда кувшинчик опустел, – почему ты постоянно повторяешь, что ты не Енгон? Ты же вроде их родственник...

– Никакой я не родственник, а приемыш, – с вызовом сказал Ким. – Сирота я с варварских островов. Фамилия моей бабушки была Сок. Самая обычная Кирымская фамилия. Полдеревни – Сок. Вторая половина – Сук. Это те, кто переселился с другого берега Микавы. Дядя Вольгван взял меня на воспитание, когда мне было семь лет. Купил у лесного шамана. Вернее, не купил, а отобрал, потому что мелких денег при себе не оказалось. Я даже не усыновлен официально, если хочешь знать!

– Ну-ну, – всем видом выражая скепсис, промычал Рей. – Стали бы Енгоны так возиться с приемным! Наверняка один из тех головорезов, которых ты называешь дядьями, а возможно, и старшими братьями, на самом деле твой отец. Скорее всего, сам князь Вольгван – ведь это он лет десять был наместником на островах Кирым. Только не ври, что у тебя такая мысль не мелькала!

– Мелькала, – скромно признался Ким. – Я ж не совсем наивный все-таки.

– Вот видишь. Погоди, наступит твое совершеннолетие, и тебе об этом объявят... Соберут весь клан и под барабанный бой вручат тебе фамильное оружие... Или как там у вас, князей, полагается...

– «У нас, князей», хи-хи... Для этого было бы неплохо знать свой возраст. А я его знаю приблизительно.

– Вот и точный возраст свой заодно узнаешь. Приятели посмеялись и распили еще кувшинчик сливянки.

– Слушай, братец Рей, – заговорил теперь Ким. – Ты все еще в прежних мыслях... ну, насчет «весенних гор» и прочего...

– Да, – лаконично ответил Рей.

– Когда собираешься отбыть?

– Дождусь результатов экзамена – надо же знать, от чего отказываюсь, – и сразу поеду.

– Ого! Я-то думал, ты так, треплешься...

– Я никогда не треплюсь попусту, – высокомерно сказал Рей. – Надеюсь, ты никому не разболтал?

– Естественно! Как ты мог меня так оскорбить! Слово Енгона тверже панциря Вселенской Черепахи! – с пафосом заявил Ким, забыв, что пять минут назад отрицал родство с Лунной династией. – Я бы и сам с тобой поехал...

Он вздохнул и с досадой воскликнул:

– Страшно не хочется идти в чиновники! Почему именно я? Почему мне не позволили пойти в гвардию и стать хвараном, как братьям?

– Зачем же ты готовился к экзаменам, если не хочешь служить? – удивился Рей.

– Так дядя заставил! Ладно, надеюсь, все это ненадолго. Надо отметить при дворе, изучить все эти проклятые ритуальные танцы и песнопения, а потом начнется какая-нибудь война – и тогда...

– Какие вы, Енгоны, все-таки кровожадные.

– Лично я не кровожадный, а ленивый. Как представлю, что к утренней переключке во дворце надо вставать каждый день в семь утра...

– Там, куда я иду, встают в четыре, – уточнил Рей. – А иногда и вообще не ложатся. Утренний сон – это роскошь, которую надо еще заслужить.

– Вот-вот, поэтому я с тобой и не поеду. Но проводить – провожу. Может, даже встану ради этого пораньше. Или наплевать на все и удрать вместе с тобой...

Тут Ким умолк, увидев, что Рей его не слушает, а самым невежливым образом спит прямо за столом. В небе над садом бесшумно упала звезда, дрогнуло пламя в светильниках, хозяин дома выронил чарку, упал на пол и захрапел.

– Так, и этот туда же, – пробормотал Ким, с неудовольствием обнаружив, что остался без собеседников. – М-да, братцы, что-то рано вы меня бросили одного...

Княжий приемный потянулся, зевнул, взглянул в окно. В голове шумело, но спать совершенно не хотелось. Интересно, который час? Гнусные предатели валялись на полу, наслаждаясь сонными грезами. «Братец Сай завтра вроде бы собирался с утра покататься верхом вдоль городской стены, – рассеянно подумал Ким. – Может, с ним поехать – авось не просплю, если лягу пораньше... Чем заняться?.. Пойду-ка я домой».

Дунул ветер, с неба листопадом посыпались звезды. На мгновение Киму показалось, что созвездия мигнули и помутнели, как гаснущие светильники, а Небесный Балдахин качнулся, оборвался и ухнул вниз. Ким оперся о стену и зажмурился, чтобы не упасть. А когда открыл глаза, увидел, что спавший в углу четвертый гость, толстяк Хэ, проснулся и неуклюже поднимается с пола.

– С добрым утром! – приветствовал его Ким, тут же приходя в хорошее настроение. – А ты знаешь, что уже вечер послезавтрашнего дня, и ты проспал объявление оценок?

Хэ не отвечал, деловито и совсем по-трезвому выпутываясь из занавески.

– Да, кстати, – хорошо, что ты не явился, – с трагическим видом продолжал Ким. – Твое сочинение было объявлено пасквилом на императора, а ты – государственным изменником, так что теперь тебе надо как можно быстрее линять из Сонака...

В этот момент Хэ наконец выдрался из тряпки, отшвырнул ее на пол, выпрямился – и Ким потерял дар речи. Перед ним стоял вовсе не Хэ, а другой, не знакомый ему человек. Да и человек ли? Весь в черном с головы до пят – только лицо бледным пятном выделяется в полумраке.

А за окном творилось что-то непонятное – звезды сыпались дождем, словно все одновременно решили переселиться с небес на землю.

– Ты кто такой? – пробормотал Ким, когда к нему вернулся голос.

Незнакомец не ответил и не пошевелился. Только в комнате как будто стало темнее. У Кима по спине побежали мурашки.

«Бес!» – похолодев, подумал он.

Уже много лет Ким не сталкивался с порождениями Нижнего мира и совсем забыл, как они ужасны и сколько от них вреда. Ох, недаром прошедшей ночью приснился тот сон... «Не поддаваться страху, Мотылек! – стиснув зубы, приказал себе он, повторяя то, чему его в детстве учил старый мучитель, лесной шаман. – Если приучишь себя не бояться трех вещей: темноты, дикого зверя и нечистой силы, – тогда на свете не останется ничего, способного тебя напугать...»

– Сгинь, пропади! Я никуда с тобой не пойду!

– А я никуда тебя и не зову, – спокойно ответил бес, остановив взгляд на приемыше, как будто впервые его заметил. Небесный Балдахин дрожал над черноволосой головой незваного гостя, как мерцающий снежный капюшон. Глаза у беса были такие же большие и светлые, как у Кима, взгляд жесткий, сосредоточенный, лицо усталое. Выглядел он лет на тридцать. Одет в черное, не то как монах, не то как лазутчик, причем одежда явно не местного покроя. Ким глянул на его ладони – оружия не видно. Стоит, свободно опустив руки, как у себя дома.

– Ты Ким, воспитанник Енгонов? – спросил бес.

– Ну я. А ты кто такой?

– Что, экзамен сегодня сдавали? – ответил вопросом на вопрос гость. – Тогда я поспел как раз вовремя...

– Ты зачем принял облик моего друга Хэ? – отозвался в том же духе Ким. – Имей в виду, я демонов не боюсь, – добавил он, снова встретившись с бесом взглядом.

– Боишься, еще как боишься, – возразил тот. – Я о тебе много знаю. Куда больше, чем ты сам.

Пока бес говорил, Ким заметил у него посреди лба пятно странной формы, что-то вроде воровской наколки. Пригляделся – а значок-то знакомый! Трехзубое клеймо императорской тюрьмы Сонака! Бес – государственный преступник, вот чудеса...

– Времени мало, так что слушай внимательно, Ким. Скоро ты отправишься в путь, и на этом пути тебя ждет огромная беда, – продолжал незваный гость. – Однако, если ты поведешь себя умно, то есть сделаешь то, что я скажу, многих неприятностей можно будет избежать...

– Хм... – Ким поскреб в затылке. – Я вообще-то ни в какой путь не собирался... Ну, допустим. И что мне надо будет сделать?

В голубых глазах беса внезапно полыхнула ненависть, и он ткнул пальцем в спящего на полу Рея.

– Убей его, – с явно деланным спокойствием приказал он.

«Убить Рея?!» – опешил Ким.

Чего угодно он ожидал, только не этого. При чем тут Рей? Откуда у купеческого сына, перспективного кандидата на мелкую чиновничью должность, враги среди демонов?

– Ты сбрендил, бес, – сказал он вслух надменно. – С чего бы вдруг я стал тебя слушаться? Приведи очень весомые аргументы, чтобы я хотя бы начал размышлять над твоим предложением.

– Убей его! – повторил заклеянный бес угрожающим тоном. – Причем прямо сейчас! Тебе будет гораздо сложнее убить его, когда он станет бессмертным!

– Бессмертным? – Ким недоверчиво взглянул на мирно спящего Рея. – Вот этот парень? Что за чепуха!

– Поверь мне. – Бес погасил в глазах ненависть. – Его смерть станет благом для тебя, для страны и в конечном счете – для него самого. Если не убьешь его сейчас, то еще долго меня вспоминать будешь, а исправить уже ничего нельзя.

Ким еще раз внимательно посмотрел на Рея. Спящий и пьяный, тот казался таким беспомощным, беззащитным, нелепым. Небось никакого оружия опаснее кисточки с тушечницей в руках не держал. Одно слово – студент...

– Значит, бессмертным, – повторил он. – А мне не предскажешь будущее?

– Если ты не убьешь его немедленно, – холодно сказал бес, – будущего у тебя не будет.

– Это в каком смысле?

– В прямом. Он, – лазутчик ткнул пальцем в Рея, – тебя погубит. И не только тебя...

В этот миг Ким вскинул руку и метнул прямо в лицо бесу длинную, в полторы ладони длиной, стальную шпильку, которую незадолго до того незаметно вытащил из церемониальной прически и спрятал в рукав. Шпилька свистнула в воздухе и вонзилась в стену в пальце от бесова уха. Тот даже не шелохнулся. В тот же миг Ким бросил вторую шпильку. Не бывало еще такого, чтобы он промахивался на десяти шагах, даже пьяный. Однако снова не попал – ночной гость каким-то образом оказался на полшага левее того места, куда целился Ким.

«Настоящий бес пропустил бы шпильку сквозь себя, – краем сознания отметил Ким. – Или растаял бы в воздухе от прикосновения железа, что еще вероятнее. А этот – просто увернулся...»

Отскочив назад, чтобы между ним и бесом оказался стол, он напоказ вытянул из прически последнюю шпильку. Жгут черных волос рассыпался по спине, длинные пряди упали на глаза. Что поделать – много оружия у приемыша не оказалось. Ходить вооруженным в гости, тем более на пир, считалось в Сонаке крайней степенью варварства.

– Ты кто такой, лазутчик? – держа шпильку наготове для броска, властно спросил Ким. Именно таким тоном, по его мнению, следовало разговаривать благородному воину с презренным шпионом. – Кто тебя послал? Кто желает смерти моего друга Рея Люпина?

Усталое лицо беса совсем помрачнело.

– Так я и знал, что этим кончится, – пробормотал он. – Ладно, хоть предупредил. В любом случае, теперь все пойдет по-другому.

И вдруг упал – рухнул навзничь, словно пораженный стрелой. Ким замер, подозревая хитрость. Потом осторожно приблизился к телу. Перед ним был его толстомордый приятель Хэ: храпит, благоухая винными парами. А лазутчик как в воздухе растаял.

Несколько мгновений Ким в растерянности топтался на месте, подставляясь под все возможные удары. Неужели и вправду это был бес? Тут за окном в кустах что-то прошуршало. Ким

бросился к «лунному окну», выскочил наружу. По верхушкам деревьев гулял холодный ветер, затягивал небо тучами, шевелил тысячами листьев. Сад был полон шорохов, ночные тени разбегались во все стороны. Киму почудилось, что одна из них прыгнула на каменную ограду.

– Стоять! – заорал приемыш и ринулся в погоню, топчя цветники.

Он ловко взлетел на стену, но не удержался и спрыгнул – почти свалился – на другую сторону, на крышу какого-то сарайчика. Захрустела черепица, посыпалась вниз. Ким едва не ссыпался вместе с ней, но зацепился за конек и притаился, скрючившись и высматривая лазутчика. Того, разумеется, не было и в помине.

Вдруг внизу, прямо под ногами, залаяла собака.

– Это что за бес там шарит?! – раздался женский вопль из соседского двора. Ким тихо выругался: «Только этого не хватало!» – побежал вдоль конька и только собрался спрыгнуть на другую сторону, как черепица поехала у него под ногами. Вместе с частью крыши он покатился вниз и в туче глиняных черепков свалился на улицу, прямо кому-то на голову.

– Держите вора! – вопила соседка ему вслед. Кима с руганью схватили за руки. Он рванулся, но держали крепко.

– Ну-ка не дергаться! – раздался над его головой грубый голос. – Парни, не упустите его! Эй, вор, где остальная шайка?

– Я не вор! – заорал Ким, извиваясь в лапах стражников. Он уже сообразил, что его угораздило рухнуть на головы ночного дозора. – Я князь Енгон!

Дозорные отреагировали на его слова глумливым ржанием и заломили ему руки за спину. Кто-то ловко и бесцеремонно обыскал его.

– Идиоты, я как раз вора ловлю! – звонко выкрикнул Ким, не оставляя попыток вырваться. – А ну быстро отпустили меня, уйдет ведь!

Ответом ему был жестокий удар под дых. Ким подавился криком и прекратил сопротивление. Ночные стражники бросили его на землю и в азарте пнули несколько раз по почкам и еще по чему пришлось.

– Гляньте, парнишка-то, кажется, и впрямь не вор, – заметил старший дозорный через несколько минут, разглядывая задержанного, который без сознания валялся у него под ногами. – Больше похож на студентика из восточных провинций. Ну все равно, тащите-ка его в районную управу – до выяснения личности.

Глава 2

Архипелаг Кирим, Стрекозий остров. Восемь лет назад

Стрекозий остров, наверно, самый дикий уголок обитаемых земель на дальней границе империи. Крошечная точка среди сотни островков в дельте огромной реки Микавы, которая неторопливо несет свои мутные воды с севера на юг среди заливных лугов и бесконечных рисовых полей префектуры Нан, что на южной оконечности Киримского архипелага.

Весь Стрекозий остров можно обойти за пару дней. Вдоль восточного берега змеей протянулась деревенька Сок с двумя выселками: Дальняя Коса и Перевоз. Вся деревня – три десятка свайных домов под остроконечными тростниковыми крышами. Даже своего рынка тут нет. Когда на берегу кверху днищем лежат рядами лодки, кажется, что лодок на острове больше, чем жителей. Вдоль берега идет узкая полоса плодородной земли, которую весной заливают паводок. Только там растут сады, там селятся люди. А в глубине острова – выжженная солнцем, не пригодная для обитания обширная пустошь, по местным поверьям, обиталище бесов. Деревенские высокопарно называют ее «степью». Во время паводков там поднимаются травы до пояса и пламенеет дикая гвоздика, а к середине лета травы высыхают, и равнина совершенно вымирает до осени. На дальнем, незаселенном конце острова, до которого полдня пути от деревни, находится древняя священная роща. Там живут безымянный бог – покровитель острова, и деревенский шаман, который ему прислуживает.

Река Микава определяет всю жизнь на острове. Меняется ветер, меняется вода в реке, меняется погода, меняются заботы и даже настроение островитян. Старожилы Стрекозьего острова насчитывают пять видов ветра. Верховой сгоняет воду на десять локтей. Южная низовка делает воду соленой и приносит удивительных дохлых медуз из океана, а река поднимается, угрожая прибрежным огородам. Свирепый лесной дует с запада в сезон дождей, заставляя Микаву бурлить и разливаться. Степной ветер сушит кожу, река надолго становится мелкой и мутной, рыба уходит в глубину. Горский изредка залетает в эти края в середине зимы, донося до жителей острова холодное дыхание далеких северных гор Комасон, оставляя после себя в душах тоску и тревогу да кристаллы инея на песке.

Микава широка: с деревенской пристани с трудом можно разглядеть дальний берег, где в дымке маячат болотистые заливные луга, богатые птицей. Тамошние обитатели живут охотой и чужих к себе не пускают. Чуть ближе зелеными холмами поднимаются над плавнями два островка поменьше Стрекозьего – Большой и Малый Гадючьи. Когда на заре, в безветрие, выплываешь на лодке к этим островкам, то кажется, что никакой реки нет, а сверху и снизу есть лишь бездонное темно-голубое небо, в котором беззвучно летят два зеленых облака в ореоле камышовых зарослей – летят на юг, к далекому теплому океану. На Гадючьих островках не живет никто, кроме птиц, змей и лягушек. Только рыбаки ставят там шалаши, когда остаются на ночной лов.

Все мужчины в здешних краях – рыбаки. По утрам, еще до рассвета, целая флотилия лодок уходит на лов. Рыбаки возвращаются перед полуднем, отдают улов женам, отдыхают до вечера, а на закате уходят снова. На Стрекозьем острове ловят в основном сетями, на других островах ставят переметы или используют ловчих бакланов с кольцами на шее, чтобы птицы не могли глотать пойманных рыбешек. У берега, между лодками на приколе, снуют гадюки, выставив из воды острые головки – тоже ловят рыбу.

На берегу постоянно кипит жизнь, замирая только в самые жаркие полуденные часы. Мужчины конопатят и смолят лодки, чинят сети, женщины стирают, чистят рыбу, дети бегают с ведрами за водой для полива, строят крепости из грязи и глины или ловят с пристани мальков на муху. Вычищенную, подготовленную к обработке рыбу грузят в лодки и увозят на соседний

остров, где ее будут коптить – подальше от жилья, – а потом повезут на большой остров Горбатый Холм на ярмарку.

Местные жители – невысокие и стройные, как и все киримцы. Красивые, долго не стареющие женщины с кошачьими глазами и грубыми прокуренными голосами. Сутулые большеглазые мужики, загорелые до черноты, похожие на изможденных подростков. Рыбаки ходят полуголые, в отрепьях и высоких сапогах для защиты от змей, женщины до зрелых лет наряжаются и кокетничают. Смуглые мальчики и девочки, тонконогие и шустрые, как паучата-водомерки, с одинаковыми прическами-«метелками» на макушках, так много времени проводят в реке, как будто там родились, и каждое третье детское имя на островах в дельте Микавы – Лягушонок или Выползок.

Над узкой грязной полосой песка, истоптанной следами козьих копыт, топорщатся колючие заросли ежевики и свисают тяжелые ветви слив и яблонь. Из-за весенних паводков все дома в деревне строят на сваях. Лучшие дома – на самом берегу, где плодороднее земля, пышнее сады, откуда не надо далеко бегать за водой. Дома победнее выстроились вдоль пыльной дороги, которая идет по краю степи от Косы до Перевоза, где деревянные квисины со страшными раскрашенными харями охраняют паромную переправу от злых людей и чужих бродячих бесов.

На самом краю деревни, посреди густого неухоженного сада стоял бедный дом: запущенный, с почерневшей от времени тростниковой крышей, на деревянных столбах. Пол в доме подгнил и просел так, что посреди спальни образовалась здоровенная яма. По ночам под полом громко шуршали мыши. На чердаке жили черноголовые дятлы, которые с рассветом начинали долбить южную глухую стену, добывая из нее личинок древоточцев, и стуком будили обитателей дома – пожилую вдову и ее маленького внука.

Вдову звали бабушка Ута. Ее муж и сыновья давно погибли на бесконечной войне, которую вела империя где-то далеко на севере. Вторично замуж она не вышла, чтя память мужа, и тянула хозяйство в одиночку. Старая Ута отличалась жизнерадостным общительным нравом, и односельчане охотно выполняли свой родовой долг – помогали женщине, оставшейся без кормильцев, вырастить внука. Соседки притаскивали пожилой женщине целые корзины баклажанов и яблок, оставляли для нее на крыльце кринки с молоком и пахтой. Рыбаки, проходя по утрам мимо двора Уты, бросали ей через забор связки свежей рыбы. Бабушка Ута и сама не сидела сложа руки. Двор был прибран и ухожен, в доме – безупречно чисто. Правда, на сад ее сил не хватало. Вишни, сливы, абрикосы, грецкие орехи и тутовые деревья одичали без ухода и разрослись так густо, что в саду и в полдень царил полумрак. Там, где прежде были цветники, осталась только сухая серая земля, испещренная трещинами. Маленький огород изнемогал, страдая от недостаточного полива. Жалко было смотреть на пожухлую ботву редьки и листья баклажанов, когда они беспомощно лежали на земле под жгучим солнцем. Впрочем, овощей вызревало достаточно, чтобы Ута с внуком не голодали.

Внуку шел восьмой год. Это был тоненький черноволосый мальчик с большущими голубыми глазами, шалун и выдумщик, надоедливый, как комар. Как у всех односельчан, у мальчика было тайное родовое имя, известное только шаману, который его давал, и ками – хранителю рода Сок. А прежде чем наречь внука детским именем, Ута очень долго думала. Ведь это имя будет известно всем, в том числе и злым духам – квисидам, которые только и ждут, как бы украсть и пожрать беспомощную детскую душу. Поэтому с давних времен жители островов Кирим старались обмануть квисидов, чтобы те пренебрегли их младенцами и не стали забирать их себе. Как только ни обзывали они своих детей! Давали новорожденным женские имена, собачьи клички, презрительные прозвища: «девчонка», «нежеланный», «лишний рот», «заморыш», «заткнись», «чтоб ты сдох» – и всё, чтобы перехитрить злых духов. Ута посоветовалась с шаманом, со старостой, с соседками и придумала очень хорошее, удачное имя. Мальчик был назван в честь самого беззащитного и слабого из мелких прибрежных существ, которое к тому

же живет один день, прямо-таки олицетворяя собой бренность и хрупкость жизни, – он получил имя Мотылек.

Глава 3

Ким попадает в неприятности

Ким вынырнул из тяжелого и невнятного сна, приоткрыл глаза, попытался приподняться и со стоном упал обратно на лавку. Голова трещала, в горле стоял ком, ныла каждая косточка. В ноздри ударила вонь, целый букет разнообразных тошнотворных запахов – от потного немытого тела до застарелой блевотины. Несколько минут Ким лежал пластом, пытаясь сдержать приступ тошноты. Рядом бубнили незнакомые голоса, кто-то хрипло рассмеялся – как железным скребком по ушам.

«Где я? В выгребной яме? Как я тут оказался?» Левый глаз не открывался. Ким рискнул приоткрыть правый. Вокруг покачивалось сумрачное подвальное помещение с решетчатыми узкими окнами под самым потолком – как впоследствии выяснилось, нижний этаж районной управы охраны мира и порядка, где держат обвиняемых до суда, а говоря попросту, тюрьма. Пол кое-как протирали только в середине, и то явно не на этой неделе. Вдоль стенок на длинных деревянных лавках и под ними теснилось несколько десятков оборванцев: грязных, избитых, в лохмотьях, а то и совсем голых. В узкое окно под самым потолком просачивались золотисто-розовые лучи утреннего солнца, в его веселом свете узилище казалось еще грязнее и отвратительнее. Только тут Ким заметил, что сам он вполне гармонирует с окружающей обстановкой – такой же грязный и оборванный, как большинство здешних обитателей. Почти все спали; трое соседей обсуждали волнующую тему – когда принесут обед. При мысли о еде, особенно в сочетании с местными ароматами, подвал перестал качаться перед глазами Кима и начал медленно вращаться вокруг лавки, на которой он лежал, постепенно набирая обороты. Юноша зажмурился и затаил дыхание, изо всех сил стараясь удержать внутри вчерашний ужин. Последнее, что запомнилось Киму, – потрясающей яркости вспышка в левом глазу. А что было до того? Экзамен, попойка... Бес...

Где-то вдалеке послышались тяжелые шаги. Лязгнул засов.

– Ну, где он? – раздался властный голос.

– Вот, пожалуйста сюда, господин... Сапожки не запачкайте...

При звуке голоса Ким встrepенулся, распахнул глаза и увидел перед собой эти самые сапожки – роскошные, лазурные, с алыми кисточками и каблуками для верховой езды. Обладателем сапог был юноша лет двадцати, прекрасный, как утреннее солнце, и такой же неуместный в этом подвале. Такому бы гарцевать на коне, в золоте и шелках, по главным улицам Сонака, мимо великолепных дворцов и перепуганных простолюдинов, которые знают – лучше держаться подальше от прекрасных и страшных хваранов, юных императорских стражей. О верности, отваге и жестокости «юношей-цветов» складывают легенды, шепчутся об их тайных колдовских обрядах. По шаманскому обычаю, хвараны разрисовывают лица, чтобы подманить к себе самых свирепых и могучих духов. Чем привлекательней хваран, тем больше кровожадных демонов вьется вокруг него, как невидимые шершни вокруг душистого цветка.

Таков был юноша, вошедший в подвал районной управы. На кафтане вышит золотом тигренок – знак ранга. Лицо раскрашено ярче и искуснее, чем у кисэн, ладонь на рукояти меча, подведенные глаза смотрят жестко и надменно. За плечом маячат начальник управы и дежурные стражники. Оборванцы-задержанные при виде начальства засуетились, попадали ниц, мордами в пол.

– Братец Сай! – радостно просипел Ким. Хотел было вскочить навстречу сводному брату, но в голове бухнуло, и пришлось упасть обратно на лавку.

Сайхун Енгон наконец изволил заметить сводного брата.

– Это что за падаль? – громко произнес он. – Это что же, благородный Енгон тут валяется на грязной шконке с синей мордой, как загулявший лавочник?

Сайхун безжалостно поднял Кима за шиворот с лежанки, поставил на ноги, сморщился:
– Ну и воняет от тебя! Почему волосы растрепаны? Где пояс потерял?

Начальник управы, наблюдавший за унижением перепившего юнца с полным одобрением, важно сказал:

– Это мы отобрали, светлейший княжич. Так полагается – пояса, перевязи, ленты для волос, шпильки, не говоря уж о ножах и всем прочем, пригодном для лишения себя жизни. Женщинам, буде таковые попадут в управу, приказываем размотать еще ножные бинты. Почему-то они, дуры, на ножных бинтах от позора чаще всего и вешаются...

– А это что такое? – напряженным голосом перебил его Сайхун, всматриваясь в чумазое лицо младшего брата. – Почему глаз подбит?

– Не помню, – смущенно ответил Ким. Хваран обернулся к начальнику управы:

– Его тут что, били?

Начальник изменился в лице, однако ответил с достоинством:

– Никак нет, светлейший. Может быть, патрульные немного помяли, когда тащили в управу... Парнишка-то ведь оказывал сопротивление...

– Он назвал свое имя и сан? – угрожающим тоном спросил Сайхун.

– Дак это... – забормотал главный стражник, – он же был вусмерть пьяный, что-то орал, конечно, но ребята не поняли, что он княжич... Думали, простой Кирымский студент...

– Назвал или нет?

– Отстань ты от него, – с сочувствием глянув на вспотевшего начальника, сказал Ким. – Пошли отсюда! На свежий воздух хочу!

Щеки Сайхуна под ритуальными белилами покраснели от гнева.

– Как смели обращаться с Енгоном словно с каким-то подзаборным пьяницей?!

Начальник управы при виде разгневанного хварана без раздумий упал на колени. Сейчас как пойдет махать мечом, только головы полетят, а потом еще и невиновен окажется – дескать, ничего не помню, дух вселился, а духи государю неподсудны.

– Простите, благородные господа, патрульные обознались, мы их непременно накажем...

С полминуты Сайхун сверлил взглядом лысую макушку начальника стражи, свирепо сопя, однако взял себя в руки и на сей раз решил смириться.

– Ладно уж, Ким, пошли из этого свинарника, – бросил он и пошел из подвала. Ким кое-как поплелся за ним.

– А тебе урок, коротышка, – громко, чтобы слышал начальник стражи, вразумлял брата Сайхун. – Истинный Енгон должен защищать свою честь, даже когда он изволил напиться! Сколько их было в патруле? Человек пять-шесть, не больше? Лучше бы ты их зарубил, чем позволять притащить тебя сюда! Дядя заплатил бы штраф, зато твоя княжеская честь осталась бы незапятнанной!

Начальник услышал, но смолчал, подумав про себя: «Чтоб вас всех чумные бесы пожрали, проклятые хвараны! Надо же было так лопухнуться! А этим недоумкам из ночного патруля велю – пусть в следующий раз внимательней слушают, что болтают задерживаемые, – и заодно наложу взыскание на каждого...»

Братья вышли во двор управы. Кима ослепило солнце, в легкие ворвался свежий ветер, изгоняя тюремный смрад. Время уже близилось к полудню. У высокой стены рядом с воротами сидели на корточках полтора десятка солдат в форме Енгонов. При виде Сайхуна они дружно поднялись на ноги.

– Ха, легко сказать – «заруби», – ворчал Ким. – Интересно, чем бы я их зарубил, когда у меня не было с собой меча?

– А где же был твой меч? – ядовито поинтересовался старший брат. – Дозорные отобрали?

– Нет, конечно! М-м-м... Должно быть, забыл у Рея...

– Забыл меч! – презрительно повторил Сайхун, изничтожив Кима взглядом. – Ты, конечно, извини, братец, но это поступок, достойный только варвара.

Ким промолчал, страдая от стыда и похмелья.

– Ладно, пошли домой. Переоденешься, умоешься, а потом...

– Я лучше сначала сбегая к Рею за мечом, – возразил Ким.

На свежем воздухе он кое-что вспомнил о событиях прошлой ночи, и ему стало тревожно. Не случилось ли чего с Реем и Чинхой? Что если тот «бес» вернулся и прикончил их?

– Надо проведать Рея и посмотреть, всё ли в порядке, – сказал он вслух.

Сайхун поманил к себе одного из воинов, взял у него меч и протянул Киму:

– На, позорище! Вот твой меч. Я уже заходил к Люпинам.

– Там все живы?

– Что за странный вопрос? – удивился Сайхун. – Разумеется, да. Рей выполз во двор такой же зеленый, как ты, очень извинялся, ничего внятного о том, куда ты делся, не сказал – дескать, уснул, ничего не помню. Да что у вас там произошло? Поссорились, что ли?

Ким принялся рассказывать о ночном госте.

– Темная история, – задумчиво сказал Сайхун, когда брат закончил. – Говоришь, этот «бес» подбивал тебя на убийство? Ясно как день, что это был лазутчик, и целью его был не купчишка Рей...

– Не называй его купчишкой, – перебил его Ким. – Не к лицу нам, Енгонам, тыкать человека носом в его низкое происхождение. «Истинное благородство – благородство духа» – как выразился великий воитель Облачный Ветер!

– Облачный Ветер, конечно, так и выразился, но при этом сам он вел свой род от Желтого Государя.

– Ну и что? Пока что я не встретил в Сонаке никого, кто внушил бы мне такое уважение, как Рей Люпин, – гнул свое Ким. – Он умнее меня, гораздо лучше образован, четко знает, чего хочет в жизни...

– Не худо было бы навести справки о твоём выдающемся Рее, – заметил Сайхун. – Как знать, может, он совсем не тот, за кого себя выдает. Я повторяю – целью лазутчика явно был не он, а *ты*, Ким. Похоже, именно тебя хотели втравить в неприятности, и отчасти этого добились. Или даже не тебя, а самого князя Вольгвана...

– Да как ты мог такое предположить! – возмутился Ким. – Рей – воплощение честности и внутреннего благородства! Хочешь, пойдем к моим друзьям, и они подтвердят...

– Ах да, совсем забыл – не болтай особо об этой истории, пока мы не выясним, кто из наших врагов подослал лазутчика. Особенно с теми простолюдинами, с которыми ты пьянствовал сегодня ночью. А лучше вообще забудь дорогу в тот квартал...

На улицах было очень многолюдно. Солдаты шли спереди и сзади, расталкивая народ. Хварану угодливо кланялись, на Кима поглядывали с недоумением. По дороге домой братья завернули на рынок, где Сайхун купил кринку свежей сыворотки, которую Ким с благодарностью тут же и выпил. Солнце, ветер и прогулка оживили его. Братья держали путь в аристократический квартал Сонака Поднебесный Удел, что под самой стеной Небесного Города – огромного дворцового комплекса, обиталища императора и его двора. В народе Поднебесный Удел ехидно прозвали Подзаборным. Улицы становились все шире, все чаще попадались навстречу всадники и паланкины, наряды прохожих запестрели яркими красками, засверкали золотой вышивкой. По обе стороны улицы за высокими белеными оградами поднимались стены особняков, дворцов и храмов. Вскоре братья свернули к роскошному пятиярусному дворцу, окруженному обширным садом. Его крыша с приподнятыми углами, крытая красной и золочёной черепицей, казалась крыльями феникса, которые белоснежный дворец широко распахнул, готовясь взлететь в небо. Это был дворец Вольсон, Лунная Крепость – столичная резиденция князей Енгонов.

Во дворе перед высоким крыльцом братьев поджидал один из слуг князя Вольгвана.

– Господин князь велел вам немедленно явиться, – с поклоном сообщил он Киму. – Он встретится с вами в южной галерее внутреннего двора. Переоденьтесь, умойтесь, да поторопитесь – князь уже давно ждет вас и, кажется, весьма разгневан.

– Дядя меня ждет? – испуганно повторил Ким. – Он что, уже все знает?

– А ты как думал! – насмешливо заметил Сайхун. Киму стало очень не по себе. Похоже, князь и впрямь сердит, если решил лично устроить выволочку приемьшу. А ведь может и меч отобрать. Скажет – недостоин! И вообще, как захочет, так и накажет. Хочет – на улицу выгонит, хочет – голову срубит. Тут, в Сонаке, отец, глава дома, волен в жизни и смерти всех своих детей, даже родных. А о неродном и говорить нечего...

Сайхун похлопал младшего брата по плечу:

– Ну, желаю успеха. Ты, главное, не оправдывайся. Бейся лбом об пол и на каждый упрек жалобно кричи – так точно, виноват, исправлюсь!

– Тебе-то хорошо советовать, – уныло сказал Ким и побежал переодеваться.

Глава 4

Стрекозий остров. Плохая примета

– Мотылек, вставай! Солнце уже взошло!

Сонный Мотылек неохотно приоткрыл глаза. Бабушка права – действительно взошло, причем успело подняться довольно высоко. Вон как ярко светит сквозь вощеную бумагу. В нос тут же забралась такие знакомые, крепкие и сладкие запахи кладовки. Над головой, прицепленные к стропилам, сушатся серо-зеленые метелки мяты, свисают гирлянды белого чеснока, красного стручкового перца и черных древесных грибов, вкусно пахнут золотистые низки жирной копченой рыбы. По стенам на тонких веревочках развешаны десятки вишневых и коричневых, сладко пахнущих лепешек, на которых уже пасутся мухи. Так бабушка запасает на зиму абрикосы и вишни – протерев их в кашу, выливает на плоские камни и высушивает на солнце. И еще почему-то щекочет ноздри горьковатый терпкий запах полыни.

Маленькая тесная кладовка превратилась в спальню только накануне вечером. Мотылек самовольно перевесил сюда свой гамак, заявив бабушке, что теперь тут будет мужская половина дома – дескать, мужчина должен спать не с бабушкой, а отдельно. Ута поворчала, посмеялась, но спорить с внуком не стала, про себя подумав, что Мотыльку скоро надоест спать одному или ему приснится страшный сон – и он перебежит обратно.

Мотыльку в голову то и дело приходили разнообразные сногшибательные идеи. Например, несколько недель назад он объявил бабушке, что ему не нравится его имя, – «какое-то оно девчоночье» – а потому он меняет его на Великий Водяной Дракон Царь Микавы. Эта блажь так прочно засела ему в голову, что чуть ли не три недели он откликался исключительно на Великого Водяного Дракона, а если его по ошибке называли Мотыльком, сердился и поднимал крик. Но как-то раз «Царь Микавы» целый день плескался у пристани с мальчиком с Косы по имени Водомерка и так с ним сошелся, что к вечеру в знак вечной дружбы поменялся с ним именами. Однако имя «Водомерка» ему совсем не нравилось, да и мальчик вернулся к себе на Косу. Не прошло и двух дней, как оба новых имени были совершенно забыты.

– Вставай, соня! Ута заглянула в кладовку. Бабушка невысокая и полненькая; у нее круглое загорелое лицо, румяные щеки, раскосые ласковые глаза, и вся она похожа на пожилую домашнюю кошку. Голова туго обмотана ярко-красным праздничным платком, чтобы спрятать седые виски, на морщинистой шее – бусы из ракушек.

– Я же знаю, что ты проснулся! Поднимайся, солнышко, завтрак на столе!

– Ну бабушка, еще немножко поваляюсь...

– Ты не забыл, какой сегодня день?

– А какой? Ута улыбнулась, протянула руку и повесила на гвоздик над гамаком сплетенную из соломы тигриную морду.

Мотылек взглянул на плетенку, и с него весь сон вмиг слетел. Сегодня же начинается праздник Голодных Духов!

По всей империи – от южных джунглей царства Ле Лои, где верят, что небо – это шляпка Мирового Гриба, до скудных плоскогорий севера, где небеса считают донышком закопченного Мирового Котла, – отмечают в конце лета дни Голодных Духов. По древнему поверью, в новолуние последнего летнего месяца открываются врата преисподней – и остаются открытыми целых шесть дней. Всё это время обитатели нижних миров свободно шастают по земле, прихватывая с собой ее зазевавшихся обитателей. Духи предков дружно устремляются в свои бывшие дома, проведать правнуков, которые пользуются удобным случаем, чтобы почтить их и заодно выпросить что-нибудь полезное. Шесть дней, пока не затворятся адские врата, родители прячут детей и никуда не пускают их одних, особенно после заката, – чтобы бесы не украли. Страшный и веселый праздник, таинственный и трогательный, когда бесы бродят прямо за

калиткой, когда чествуют духов-хранителей и кормят впрок местных квисинов, когда вся семья – живые и мертвые – раз в году собирается у одного очага...

Мотылек вывалился из гамака, едва не угодив ногой в большую корзину с сушеной фасолью, натянул штанишки и побежал умываться на широкое крыльцо, где в тени под навесом стояла бадья с дождевой водой. Прохладная вода окончательно разбудила Мотылька. Он поплескал себе в лицо, сладко потянулся, вдохнул полной грудью запаха сада и раннего утра. Над дверью висел пучок свежей полыни – от бесов, чтобы не пробрались в дом. В ветвях яблонь и тутов перекликались птицы, сердито жужжали пчелы, пытаясь через мелкую сетку пробраться на веранду, где бабушка накрывала на стол.

Завтрак был необычно сытный: тушеный карп с репой, тертой морковью и пряностями. Никто не умел готовить рыбу так, как бабушка. Она знала десятки рецептов, множество соусов и приправ и сама изобретала всё новые. А вот с мясом у нее не очень-то получалось – его вообще на острове ели очень редко. Как-то Ута попыталась потушить кусок говядины, чтобы побаловать внука, но вышло что-то пресное и скучное.

– Кушай получше, – говорила бабушка, накладывая куски рыбы в тарелку внука. – В следующий раз будем есть не скоро. Нам сегодня идти далеко-далеко...

Мотылька не нужно было уговаривать – всё умаял в один присест и вскочил, собираясь бежать в сад.

– Куда поскакал? Ну-ка стой! А одеться? Мотылек весь извелся от нетерпения, пока бабушка одевала его в выходной наряд. Широкие жесткие штаны до середины голени с красным гарусом по низу; бледно-зеленая рубашечка, а поверх нее еще одна, тоже светло-зеленая, но с набивным рисунком в виде крупных красных гвоздик. Обязательно ярко-алый пояс – бесы красного цвета боятся. На заскорузлые подошвы пришлось надеть соломенные сандалии. Всклокоченные черные волосы Мотылька бабушка расчесала и завязала в пучок на макушке. Проверила, чисто ли умылся. Наконец отпустила:

– Иди, играй пока. И только попробуй извальяться в грязи!

Мотылек тут же побежал через сад к забору, кататься на калитке и глядеть на народ. А посмотреть было на что. Прямо за забором, по самому краю «степи», тянулась дорога к Перевозу. Вдоль дороги, почти не давая тени, торчали непривлекательные деревья лох с колючками и серой корой – единственные деревья, которые не боялись жаркого солнца и росли на острове повсеместно. Обычно в ранний утренний час дорога пуста, но сегодня по ней текли целые толпы народа. Над дорогой стоял гул веселых голосов, лай собак, смех, шарканье множества ног. В глазах Мотылька зарябило от многоцветия праздничных нарядов. Островитяне двигались не спеша, в обе стороны – и к Перевозу, и на Косу, почтенные люди – целыми семьями, парни и девушки – шумными компаниями. Между взрослыми с веселыми воплями носились дети. Можно было даже встретить незнакомого человека – например с Косы, где Мотылек знал не всех, или вообще с соседнего большого острова Горбатый Холм, а то и откуда-нибудь еще подальше, даже с другого берега, а это все равно что с того света. И какие все нарядные, какой торжественный у всех вид! Пламенеют красные рубашки и юбки; руки почти у всех заняты узлами и свертками, у многих за спиной плетеные короба с приношениями разнообразным духам – обитателям Стрекозьего острова.

Те, кто шел налево, направлялись на Косу, к источнику, где росла огромная смоковница с такими толстенными ветвями, что под ними было даже боязно стоять. Весь год к источнику приходили женщины с ведрами и кувшинами, по ветвям лазали мальчишки. Козы, напившись из источника, в поисках молодых листьев забирались на могучее дерево всем стадом чуть ли не до самого верха. И лишь раз в год люди вспоминали, что в смоковнице живет местный kami, дух-покровитель рода Сок.

Легенда гласила, что в незапамятные времена на Стрекозий остров приплыл некто Рябой Налим, основатель рода, с многочисленным семейством, и привез этого kami в наглухо запе-

чатанном глиняном горшке. Горшок он закопал у источника и посадил там смоковницу. С тех пор Kami жил на Косе и присматривал оттуда за островитянами: посылал рыбу в достаточных количествах, щедрые урожаи моркови, кабачков и баклажанов, здоровых новорожденных детишек; следил, чтобы квисины особенно не распускались и знали меру в пакостях – в общем, обеспечивал благоденствие рода. До сих пор, чтоб не сглазить, вполне успешно. Kami был непривередливый и не жаловался на то, что его мало почитают, довольствуясь венками из маков и гвоздики и красными тряпочками, которые деревенские жители развешивали в дни Голодных Духов на ветвях смоковницы.

Более существенные приношения – пироги, битая птица – предназначались «сторожам». Так называли местных квисинов, непотребные морды которых были вырезаны на деревянных столбах возле Перевоза. Квисин есть квисин: прикармливай не прикармливай злого духа – добрее он не станет. Но все же если его, гада, ублажать как следует, то он будет ценить то место, где живет, и не пустит никаких чужих бесов на свою «натопанную» территорию. И то благо. Ведь чужой квисин – как разбойник: ему бы нахапать, разорить и убраться восвояси. А свой... Толку от него, конечно, никакого, зато он уже сытый, да и привычный. И с местным Kami давно уже все поделил...

Так целый день бродят деревенские жители по острову взад-вперед. Сначала Kami поклонятся, потом квисинов накормят, повидаются с родственниками, женщины покрасуются в новых нарядах, людей посмотрят, себя покажут. Вернувшись вечером, выставят на крыльцо фонари – чтобы не заблудились души предков по дороге домой, сядут у очага, помянут умерших, скормят огню жертвенные кушанья и бумажные полоски с просьбами. А ночью, когда старики и малые детишки лягут спать, начнется *настоящий* праздник: разожгут на берегу Микавы большой яркий костер, накроют под открытым небом длинные столы, девушки и парни будут петь предкам величальные песни и танцевать для духов ритуальные танцы, а потом пойдет гульба и веселый пир, который продлится до самого утра...

Подумал Мотылек об этом костре, о танцах и пире и позавидовал взрослым парням – его-то ночью на берег, конечно, не пустят...

– Мотылек, готов? Ну-ка повернись! Вот молодец, даже коленки не запачкал!

Бабушка спустилась с крыльца. На ней розовая кофта с широкими рукавами и вышивкой у ворота, небесно-синяя юбка до щиколоток, на грудь спускается ракушечная гирлянда, на ногах нарядные сандалии, за спиной лыковый плетеный короб со снедью и дарами духам, в руке – большой соломенный зонтик.

– На, понесешь вот это, – Ута протянула внуку объемистый, но не тяжелый тюк. – Берегись, чтобы собака не выхватила, тут пироги.

– Для деда Хару?

– Сколько раз говорила – не называй святого старца дедом!

– Он сам мне разрешил!

– Разрешил не разрешил, а все равно это неприлично. Давай-ка поклонимся домовым, чтобы благословили нас на дорожку...

Бабушка и внук, обернувшись к дому, поклонились в пояс и вышли за калитку. И тут же с дороги послышалось:

– Ута, голубушка! С праздничком тебя!

– Хинок, сестричка, ты ли это!

– И внучек с тобой? Как вырос-то!

Ута оживилась, приосанилась и поспешила навстречу дальней родственнице с Косы, которую, конечно же, сто лет не видела. Мотылек закатил глаза и испустил душераздирающий вздох. Ну всё, теперь начнут точить лясы. Пока всеми сплетнями не поделятся, бабушку с места не сдвинуть. А там еще какая-нибудь родственница встретится...

– Вот, идем с Косы – благодетеля нашего посетили, теперь «сторожей» покормим... Ох, ноги-то как болят, милая, шутка ли, пройти два ри, да еще столько же обратно! Старик мой остался дома, у него ведь еще по весне в левое колено вселился бес...

– Как твоя уважаемая свекровь – все не встает?

– Ах, голубушка, даже не спрашивай. Все с нею намучились, и конца-краю этой муке не видно...

– Что ж, старость не радость... А это что за красавица-невеста с тобой?

– Да это же Кувшинка, внучка моя! Весной просватали, осенью будем замуж выдавать...

– Малюточка-Кувшинка? Ох, сестричка, как время-то летит! Кажется, совсем недавно и мы с тобой невестами были...

Ахи, охи, болтовня бесконечная... Мотылек оглянулся по сторонам – нет ли знакомых мальчишек. Как назло, никого не видеть. Тогда он присел рядом с женщинами на корточки и принялся рисовать пальцем страшную рожу прямо в дорожной пыли. Сам не заметил, как вывозился по самые локти.

– ...А ты, сестричка, как всегда? К безымянному на поклон? Неужели потащишь мальчишечку в такую даль, через степь, в самый солнцепек?

– Ничего, дойдет, небось не в первый раз. Надо же кому-то и старшего бога почитать, – ответила бабушка с едва заметным укором в голосе. – Мы ведь тут поселились непрошеными гостями, а об исконном владыке наших мест и не вспоминаем. Нехорошо это. Как бы он не разгневался на нас.

Родственница, смутившись, засуетилась, вытащила из короба внучки маленький сверток – тот, что сверху лежал, – и протянула Мотыльку.

– Ах, будем живы – и мы непременно безымянного почтим, только уж больно идти-то далеко, да по таким бесовским местам... Ну, передайте от нас святому старцу поклон да вот это...

Сверток был липкий, и от него пахло медом. Мотылек с надеждой подумал, что сладости, возможно, достанутся ему. Наверняка дед их не любит, он же старый – зачем ему мед?

Наконец попрощались, отправились дальше, ежеминутно кланяясь знакомым и родственникам. Не прошло и получаса, как вышли из деревни и добрались до развилки: налево – Коса, направо – Перевоз, прямо – совсем узкая, едва заметная тропинка, уводящая вдаль, через просторы наливающейся дневным жаром степи. Туда и свернули Ута с внуком.

Вот и шум праздничной толпы стих, дома, сады и дорога остались позади. Слышно только, как трещат кузнечики и похрустывают травинки, ломаясь под ногами. Над головой с назойливым жужжанием вьются мелкие мухи. По обе стороны тропы до края земли простерлась степь, заросшая сухой низкой колючей травой. В ясном небе, как назло, ни облачка, от солнца больно глазам. Вокруг, в траве, цветут алые зубчатые звездочки гвоздики и ярко-синий цикорий.

С каждым шагом становилось все жарче, цветы смыкали свои лепестки, сливаясь с серо-золотистой травой. Бабушка раскрыла над головой соломенный зонт.

– Иди сюда, Мотылек, – проворчала она. – Поздненько вышли, а все из-за того, что кое-кто любит поваляться в гамаке!

– А вот и нет – все из-за того, что кое-кто болтал по дороге с разными тетками...

– Молчи уж, соня... Чую, день будет жаркий – хорошо, если доберемся к полудню. А вечером мне идти обратно через степь по темноте – вот страху-то натерплюсь...

Утро переходило в день. Равнина – как горячая сковородка, так и полыхала жаром. Вокруг ни души. Тропинка вилась между неглубокими сухими оврагами, обходила заросли колючих кустов. Мотылек скоро устал, начал ныть и спотыкался. Ута тоже утомилась – то и дело останавливалась, ставила на землю короб, вытирала пот со лба. Пару раз путешественникам попадались на пути оазисы колючего лоха, где можно было передохнуть в сомнительной

тени узких серебристых листьев. Тогда останавливались на привал. Один раз встретили под деревом спящую корову – должно быть, отстала от стада и решила переждать тут дневную жару. Другой раз наткнулись на бродячую собаку, всю в репьях, ласковую. Мотылек хотел дать ей кусок пирога, но бабушка не позволила – дескать, потом до самого дома не отвяжется.

В самую жару, когда солнце стояло прямо над головой, а воздух дрожал от зноя, бабушка и внук неожиданно вышли на странное место, как будто посреди степи кто-то распахал землю. Тропинку пересекали черные, ровные, как плугом проведенные борозды, усеянные мелкими белыми шариками – словно костяные бусы просыпались на обгорелую траву.

– Что это? – спросил Мотылек.

– Грибница, – сердито сказала бабушка и потянула внука за руку, чтобы обошел черную землю стороной. – Бесов круг. Ты смотри ж, куда вылезла, окаянная, прямо под ноги...

Мотылек потянул носом – грибные шарики пахли заманчиво.

– Может, насобираем на обед?

– Ни в коем случае! Даже не прикасайся! Ох, плохое предзнаменование! Квисины нам путь заступили – как бы не было беды...

– И что теперь – назад повернем? – Мотылек с любопытством посмотрел на белые шарики. Никакого страха он не чувствовал.

– Нет, мы уже почти пришли... Ута поплевала в обе стороны, сложила пальцы от сглаза и повела внука дальше, к маячившей впереди роще.

Не прошло и получаса, как Ута и Мотылек вошли в тень развесистых деревьев. На всем острове было только одно такое влажное место. Там пробивался на поверхность источник, образуя полноводный ручей. Окрестности ручья густо заросли платанами, тутами и одичавшими садовыми деревьями, плоды которых никто не собирал, – они считались принадлежащими безымянному богу Стрекозьего острова.

Среди деревьев пряталась полуразрушенная каменная стена. Тропинка бежала вдоль нее и заканчивалась возле высоких, в два человеческих роста, ворот. Их деревянные створки давно сгнили и отвалились, но украшенная резьбой каменная арка казалась нерушимой. Над воротами нависал огромный платан.

Бабушка закрыла зонт, поправила лямки короба, утерла пот со лба.

– Хорошо-то как! – вздохнула она. – Тенек, прохлада! Ну, хвала богам, добрались!

И они вошли под арку на землю святилища – как в темную сырую пещеру.

Глава 5

Ким получает нагоняй и принимает решение поселиться в дырявой бочке

Восточный внутренний двор столичного дворца Вольсон с четырех сторон окружала галерея: частые колонны из светло-серого мрамора, косые тени, мягкий рассеянный свет, запах цветов и воды. Внутренний двор с его цветниками, мраморными фонариками и дорожками из плоской гальки, обрамленными мхом, был залит полуденным солнцем. В центре, над прудом размером с небольшую лужу, повисла воздушная беломраморная беседка, куда князь Вольгван обычно приглашал гостей на чаепитие, если разговор предстоял конфиденциальный. Солнечные блики плясали на воде среди лилий. С восточной стороны пруд был огражден бамбуковой дамбой высотой по колено. Струйки воды, переливаясь через край игрушечной дамбы, журчали каждая на свой лад. То была «музыка вод», во всей полноте внятная только слуху водяных фей.

А вот и сами феи – словно стайка бабочек, выпорхнули из беседки.

– Ага, братец Ким! – прозвенел нежный голосок. – Мы слышали, ты вчера провалился на экзамене?

Не успел Ким глазом моргнуть, а их уже нет – исчезли, как будто ветер разметал лепестки цветов. В воздухе остался только запах розы и корицы. Ким невольно принюхался, поразился: «Эти-то откуда всегда все узнают? Ведь сидят взаперти...» Прекрасные невидимки – «феи», которых он невольно вытеснил из сада, были его сводными сестрами, которых он вблизи не видел ни разу в жизни, – только время от времени болтал с ними через занавеску. Сестер до замужества прятали на женской половине дворца, и смотреть на них не полагалось никому из мужчин. Ведь они будущие жены князей, а возможно, если очень повезет, и императорские наложницы.

Ким не знал их лиц, но был абсолютно убежден в том, что они прекрасны. В Сонаке знатная девушка считалась красавицей по определению. Князь Вольгван специально постарался, чтобы его дочерей-невест внесли в иллюстрированный ежегодник «Двадцать величайших красавиц империи». Иллюстратор этого сборника, разумеется, руководствовался исключительно своим воображением и девятью основными каноническими признаками красоты, не считая тридцати трех дополнительных. Признаки были таковы: белоснежная кожа; румянец нежный, как в сердцевине цветка груши; рот крошечный, сочный и яркий, словно капля крови на снегу; глаза – звезды, способные говорить без слов, и брови-бабочки, которые договорят недосказанное глазами; нос – благородный, тонкий, с высокой переносицей; хрупкий и гибкий стан – такой, что ветер дунет, и деву унесет, как тростинку; волосы – как гроззовые облака; походка – как лист плывет по воде, или ветерок пробегает по траве, не согнув ее кончики...

Считалось, что во всей полноте эти признаки присущи лишь феям и легендарным императорским наложницам, вроде знаменитой красавицы прошлого царствования Госпожи Ивовый Цвет. Ходил слух, что она тоже была феей – незадолго до безвременной кончины государя она таинственно исчезла из своих покоев, которые нельзя было покинуть иначе, как на облаке, и никто ее больше не видел...

Задумавшись о красавицах, Ким даже не заметил, как во дворе появился князь Вольгван. Глава рода Енгон вышел неспешным шагом из тени, обмахиваясь веером. Одет он был по-домашнему: шелковая рубашка до колен, перевязанная кушаком, просторные шаровары, плетеные сандалии на босу ногу. Бритая голова украшена старыми шрамами, седеющие усы свисают ниже подбородка. Даже в домашнем платье князь Вольгван выглядел внушительно – рослый, тяжелый, коренастый. Когда-то Ким, впервые увидев его у пристани в маленьком

лесном поселке, был ошеломлен. Перед ним, деревенским мальчишкой, предстал огромный воин, великан в сияющей броне, с многочисленной свитой – не человек, а демон войны, грозный и великолепный, который даже в одиночестве ведет себя так, словно за его спиной стоит целая армия. С тех пор прошло немало лет. Князь вышел в отставку, постарел, раздался вширь, однако Ким по-прежнему робел перед ним, как в детстве.

При виде приемыша князь добродушно улыбнулся:

– А, явился, гуляка...

– Здравствуйте, господин князь. Не доходя шагов десяти до опекуна, Ким опустился на колени и почтительно уткнулся лбом в каменный пол галереи. Пол был дивно прохладный и чуть влажный – наверно, недавно мыли. У Кима даже головная боль утихла. «Так бы и стоял, – подумал он, блаженно закрывая глаза. – Эх, поспать бы сейчас...»

– Ну, сынок, как прошел экзамен? – раздался над его головой басовитый голос Вольгвана. – Сложный вопрос попался?

– Ох, давайте не будем об экзамене, – вздыхая, сказал Ким – Я всегда думал – зачем нам, потомственным военным, забивать головы такой чушью, как, например, проблема зла! Наше дело – защищать священную особу государя и уничтожать врагов империи. А стоит только начать рассуждать о долге, так и до измены можно дойти...

– Так, – из голоса князя как-то внезапно пропало добродушие. – Значит, провалился?

– Пока еще рано об этом говорить. Результаты объявят через три дня. Вы же понимаете, дядя, – все зависит от того, кого назначат в отборочную комиссию. Если наберут каких-нибудь старых сморчков, которые каждую свежую, небанальную идею воспринимают как личное оскорбление, тогда дело плохо...

– Точно, провалился, – резюмировал князь Вольгван и с треском захлопнул веер.

Ким вздрогнул и съежился, готовясь к взбучке.

– И что дальше делать будем? – задумчиво спросил князь. – Еще два года сидеть на моей шее? Шляться по кабакам, заводить сомнительные знакомства в Нижнем городе, напиваться с купцами, бегать по крышам, устраивать драки со стражниками? Меня такой вариант развития событий не устраивает. Тебя, полагаю, тоже. Есть другие идеи?

– Я бы мог пойти в хвараны, – скромно предложил Ким.

Это предложение не вызвало у князя Вольгвана ничего, кроме хохота.

– Слушай, не смейся меня! Как ты себе представляешь офицера, который на голову ниже своих солдат и похож на переодетую девчонку?

– Но ведь хвараны...

– А что хвараны? Ну, послужишь ты годик-два, а дальше что? Вот исполнится Сайхуну двадцать лет, он женится и перейдет в регулярное войско. А ты кому там нужен, комар тонконогий?

– Между прочим, для киримца я высокий мускулистый парень! – запальчиво заявил Ким.

– Всем известно, что худшие солдаты получают из уроженцев Кирима. Да киримцы за всю свою историю ни одной войны не выиграли! Вообще странно, что у вас там смогло образоваться хоть какое-то государство!

– Дело не в том, чтобы выигрывать войны, а в том, чтобы не ввязываться в них! – ответил Ким неточной цитатой из знаменитого имперского стратега, воителя Облачного Ветра.

– Ты бы лучше на экзамене эрудицию проявлял! – рявкнул Вольгван, нахмурясь. – Вот навязался недоделанный хваран на мою голову!

Ким испуганно замолчал. Князь, глядя вдаль, задумчиво почесал веером переносицу.

– Ты хоть что-то написал? – спросил он после долгого молчания. – Работу сдал?

– Да, что-то накорябал. Хотя, по-моему, это подлость – все вопросы должны быть известны заранее, тогда можно хоть как-то подготовиться, но в этой бесовой комиссии зачем-то выдумывают каждый год новые темы – и никому не говорят, какие...

– Ладно, – проворчал князь. – Тогда дело поправимое. В комиссии, как ты верно заметил, сидят одни старые пердуны, и если они сослепу поставят тебе не ту оценку, то мы им на это ненавязчиво укажем... Ох, Ким, сколько мне с тобой хлопот! Сколько времени и денег потрачено на репетиторов, а ты к экзаменам готовился спустя рукава, да еще эта вчерашняя драка с ночной стражей... Ты хоть подумал, что будет, если эта история дойдет до Небесного Города? Как тебя там встретят, когда ты явишься на службу?

«Надо каяться», – напомнил себе Ким. Он сделал над собой усилие, стукнулся лбом об пол, а потом поднял голову и заявил:

– Да не желаю я становиться чиновником!

– Что ты там вякнул?!

Ким сел на пятки, выпрямил спину и с вызовом взглянул на князя:

– Почему вы не позволяете мне пойти в хвараны?

Князь Вольгван пристально посмотрел на приемыша:

– Что, надо повторить еще раз? Или я привожу неубедительные доводы? Ладно. Хорошо подумай и скажи мне, чем ты отличаешься от своих братьев, кроме роста, цвета глаз и редкостной лени?

– Тем, что я не рожден Енгоном, – мрачно ответил Ким. – Военная служба – это дело благородных. А государственные экзамены бессловные. Каждый имеет право попытаться стать чиновником – хоть последний крестьянин, хоть сирота безродный, лишь бы сдал экзамен.

– Именно так. Только никто не будет несколько лет подряд тратить время и деньги – к слову, немалые, – вбивая в тупую башку крестьянина тринадцать книг священного канона и обучая его излагать свои мысли стихами. Потому-то большинство студентов сейчас – сыновья богатых худародных торгашей, вроде твоего сомнительного дружка Люпина...

– И приемыши вроде меня, – пробурчал Ким. Мысленно он сказал «незаконные сыновья всяких князей», но, конечно, вслух такое повторить не решился.

– Молодец, – похвалил князь. – Ты еще сделаешь такую карьеру, какая всем этим богачам и не снилась.

С нашими связями при дворе мы быстро пристроим тебя секретарем к какой-нибудь важной шишке, а там уж все будет зависеть от твоей личной ловкости и сообразительности. Ну а твоим братьям, урожденным Енгонам, как ты верно подметил, на гражданской службе делать действительно нечего. В чем дело, сынок, не вижу радости на лице?

Вид у Кима был такой, как будто он открыл заветный ларец и нашел там кучку мышьиного помета.

– Э... дядя Вольгван, разве вы... не собирались меня усыновить?

– Нет, – удивленно ответил князь. – А зачем? Ким побагровел.

– Дивлюсь я на тебя, сынок. Вместо благодарности вдруг слышу какие-то нелепые претензии...

– Ладно же, – сдавленным голосом произнес Ким. – Если стать хвараном мне не судьба, видать, придется уйти в горы!

– Это куда – к разбойникам, что ли?

– Нет, в монастырь! Князь снова захохотал:

– Давай! Представляю, какой из тебя выйдет монах! Примерно такой же, как и солдат!

– Да уж не хуже, чем чиновник, – съязвил Ким. Князь помахал рукой, с трудом удерживаясь от смеха:

– Скатертью дорожка.

– Премного благодарен за благословление! – ледяным тоном заявил Ким, вызвав у князя новый приступ хохота.

– Всё, проваливай!

Ким в последний раз стукнул лбом о пол, встал на ноги и с достоинством удалился. Выйдя за дверь, он постоял несколько секунд, слушая затихающий смех опекуна, и вдруг изо всех сил пнул стенку. Его разбирала бессильная злость. Самое обидное, что и винить было некого, кроме себя. Ким оказался в ловушке своих собственных амбиций и фантазий. Князь Вольгван действительно никогда даже не намекал, что собирается усыновить Кима или официально признать его своим незаконным сыном. Ким наконец ощутил себя тем, кем и являлся, то есть облагодетельствованным простолюдином, а вовсе не княжеским наследником.

Теперь совершенно ясно – хвараном ему не бывать никогда. И в армию его не возьмут. Его доля – синий чиновничий халат, согнутая спина, близорукие глаза, жизнь в четырех стенах, интриги, рутинная и смертная скука.

«Вот возьму и впрямь уйду в монастырь! – с ожесточением думал Ким, шагая по коридору в свои покои. – Например, вступлю в секту Идущих в Рай – назло дяде! Придется ходить с обритой головой, в холстяной рясе, питаться одним размоченным просом, проводить ночи за чтением молитв и опускать глаза при виде любой встречной женщины от восьми до восьмидесяти, правда, непонятно, зачем и кому это нужно...»

Нет – лучше стану горным отшельником. Буду бегать по лесу голым, с нечесаной гривой до колен, никогда не мыться, питаться кореньями и личинками, плясать по ночам с духами и сожительствовать с барсучихой-оборотнем...

А лучше всего – стану юродивым! Даже из города уходить не надо. Поселюсь в дырявой бочке напротив ворот дворца Вольсон, буду просить милостыню, заведу себе медный чайник и начну всем говорить, что у меня там тайный путь в Небесную Канцелярию – как этот чудак с рынка, про которого мне недавно рассказывал Рей...»

Повернув за угол, Ким налетел на Сайхуна, который неожиданно выступил ему навстречу бесшумно, как призрака.

– Ну как, жив, братишка? Князь тебе шею не свернул?

– Мои карьерные планы меняются, – надменно сообщил Ким. – Я ухожу в монастырь!

– Ты что, с ума сошел? Отец тебе такую карьеру прочит! Такие надежды на тебя возлагает!

– Знаем, знаем, какие это надежды, – желчно процедил Ким. – Нет, брат, забудь. Моя судьба отныне – хижина в горах, ключевая вода, пост и молитва.

– Чего только с похмелья в голову не взбредет! Слушай, – Сайхун положил Киму руку на плечо, – пошли со мной пообедаем, а то ты какой-то бледный, наверно, с голодухи. А вечером пойдем в какую-нибудь харчевню в Нижнем городе, пригласим кисэн, напьемся, что-нибудь сломаем или подожжем, потом переоденемся лазутчиками, замотаем лица и навалием как следует ночной страже, а князю я ничего не скажу! Как тебе такой план?

– Устраивает, – буркнул Ким. – Ладно уж, пошли, искуситель.

Глава 6

Стрекозий остров. Боевой барабан

Скоро тропа ушла вниз, со всех сторон ее обступили деревья с влажной корой и пышными кронами. Дневной свет потускнел, стал загадочным, зеленоватым – только отдельные лучи там и сям пронзали листву, как солнечные копыя. Подошвы сандалий глухо застучали по каменным плитам. В воздухе сильно и сладко повеяло гниющими фруктами. Из ядовито-зеленой осоки один за другим появились комары и со звоном принялись виться вокруг людей, готовясь к неожиданному пиру. Мотылек прихлопнул на руке комара, невольно оглянулся назад. Казалось, солнечный день остался за воротами, и они вступают в царство вечных сумерек.

Тропа превратилась в прямую дорожку, выложенную из обтесанных каменных плит. Деревья теперь подступали вплотную, распикивая плиты корнями. Между корнями и плитами изо всех сил пробивались травы, перли из каждой щели. Из-под ног разбежались мелкие бурые пауки. Вскоре среди замшелых стволов промелькнул каменный столб, потом еще один... По обе стороны дорожки поднимались из травы каменные стелы – все в паутине и фиолетовых пятнах от упавших слив и смокв. Одни стояли прямо, другие торчали криво из буйной осоки, третьи валялись на земле, едва заметные под упавшими деревьями. Стел было множество – высокие обелиски, приземистые плиты, угловатые и колоннообразные, одни гладкие, другие – покрытые барельефами с полустертыми рисунками и неразборчивыми надписями на забытом языке, с чашеобразными жертвенниками у основания, в которых не было иных даров, кроме дождевой воды и опавших листьев. Весной стелы утопали в цветах, а теперь, в конце лета, было не пройти между плитами от обилия гнилых яблок, слив и абрикосов.

В деревне эти стелы считали капищем древних богов Стрекозьего острова. Но шаман (в деревне его почтительно называли «святой старец Хару») утверждал, что стелы – на самом деле остатки очень старого кладбища. К роду Сок оно никакого отношения не имело. Островитяне хоронили своих мертвецов на пологом холме у края степи, отмечая могилы только невысокими холмиками. А эти стелы, как и маленький храм в глубине священной рощи, появились задолго до того, как Рябой Налим закопал горшок с ками-хранителем в илистую землю острова. Старец Хару полагал, что святилище гораздо старше, чем сам род Сок, когда бы он ни появился на свет. И принадлежит оно предкам киримцев, причем таким древним, что сами киримцы давно о них забыли. Как и о том, что когда-то были великим и культурным народом, а не дальней дикой провинцией империи.

Небольшой неказистый храм, зажатый между двумя разросшимися платанами, казался последним уцелевшим обломком какого-то грандиозного здания. Могучие каменные стены с окнами-бойницами под самым потолком были увенчаны типично деревенской остроконечной соломенной крышей, которую настелил сам шаман, чтобы дождь не капал на голову во время молений.

Ута и Мотылек остановились возле крыльца и низко поклонились «стражам могил», стоящим в воинственных позах по обе стороны главной храмовой двери, завешенной соломенной циновкой. Здешние стражи были не чета кривомордым квисинам, кое-как вырезанным на столбах у Перевоза. Два настоящих царя-демона в полтора человеческих роста каждый, роскошные и устрашающие, в княжеских доспехах, с пламенеющими мечами и круглыми от гнева глазами. Плохо только, что шаман совсем за ними не следил, – пальцы, кончики длинных ушей и языки пламени на мечах откололись, краска со статуй облезла, и выглядели цари-демоны так, словно на них гадило много поколений окрестных птиц.

– Святой учитель! – деликатно покашляв, позвала Ута. – А мы к вам с гостинцами! Вы где? Ау!

– Дед! – пронзительно завопил Мотылек. – Выходи! Бабушка зашикала на него:

– Сколько раз говорила, не называй святого старца дедом!

Тут раздался шорох в осоке, и на дорожку выбрался шаман Хару: штаны закатаны, туловище голое – все ребра выпирают, живот к спине прилип, тощие босые ноги по щиколотку в грязи, лицо мокрое, в паутине, тонкая белая борода заложена за ухо, на спине корзина со сливами.

Мотылек с боевым кличем рванулся ему навстречу, но бабушка поймала его за шкурку, заставила поклониться старцу.

– С праздником Голодных Духов! – пропели они в два голоса. – От всей деревни вам поздравления и благие пожелания!

– И вам того же. – Хару широко улыбнулся, все его лицо пошло морщинами, как печеное яблоко. – Не утомились, с такими коробами почти пять ри по жаре? Пойдемте, отдохнете с дороги. Чаем вас напою.

– Дед, мы тебе пироги несем!

– Нет, сначала – бога почтить! – строго сказала бабушка.

– Подождет, – отмахнулся шаман. – Небось целый год присидел без ваших пирогов – и ничего...

Ута смущенно захихикала.

– Нет, не подождет, – почтительно возразила она. – Неприлично заставлять бога ждать, пока мы чай распиваем. Сначала небесные дела, а уж потом земные. Давайте уж, святой старец...

– Ну пойдемте, – со вздохом сказал шаман, снимая с плеч корзину со сливами.

Ута в душе осталась довольна – она была уверена, что шаману нравится ее набожность, что бы он сам ни говорил. Она очень уважала отшельника и во всем старалась угодить ему. Старец Хару тоже явно выделял ее среди односельчан, всегда отзывался о ней с похвалой. Дружба с шаманом льстила Уте и возвышала ее в собственных глазах. Была и еще причина – Мотылек. В деревне болтали, что бабушка собирается отдать внука шаману в ученики, а возможно, и в преемники – потому и таскает его в святилище, невзирая на тяжелый и долгий путь через степь. Ута эти слухи не подтверждала, но и не опровергала.

Мотылек о бабушкиных замыслах и не подозревал. Он знал шамана столько, сколько помнил себя, и был единственным человеком на острове, кому доставало нахальства называть его дедом. В раннем детстве он полагал, что Хару и есть его дед, бабушкин муж. На самом деле Ута не была родней отшельнику и по возрасту годилась ему в дочери, если не во внучки, – старцу Хару было далеко за девяносто, и многие в деревне подозревали, что он бессмертен.

Вслед за шаманом Ута и Мотылек поднялись на крыльцо храма, сняли сандалии и уселись на пятках возле входа. Бабушка принялась выкладывать из короба свертки с жертвами. Старец Хару ополоснул лицо и руки, прошел к жертвеннику и занялся приготовлениями к незамысловатому обряду. Он вставил в курильницы благовонные палочки, раздул тлевшие в жаровне угли, разложил на жертвеннике несколько полосок рисовой бумаги, растер шарик туши каменной толкушкой, развел порошок водой, обмакнул в тушь кисточку.

– О чем просить? Как обычно?

– Да, конечно... – зачастила Ута, раскладывая на полу приношения. – Ничего особенного, только здоровья, благополучия, хорошего улова, да чтобы баклажаны в этом году уродились получше, чем в прошлом... Ах да, – бабушкин взгляд упал на пакетик с медовыми пирожками, – чтобы свекровь моей кухни Хинок поправилась... или уж померла наконец...

Шаман хмыкнул, написал прошения – каждое на своей полоске, и разложил сохнуть.

– Где там ваши подарки? Быстро оглядел приношения, отобрал несколько свертков (Мотылек ревниво следил, как бы дед не отложил богу пирожки), положил их на жертвенник, рядом с жаровней, и направился в южный угол, где стоял ларь с утварью и облачениями. Копался там, что-то с ворчанием примерял и перекладывал, а потом обернулся – у Мотылька

аж мурашки пробежали по спине. Уже не дед Хару перед ним, а нечто чужое, таинственное, страшноватое. Расшитая вороньими перьями и лисьими хвостами бесформенная хламида кажется шкурой сказочного крылатого зверя; вытянутая, как бобовое семя, белая маска с продольной угольно-черной полосой – лицо злого духа, который выглядывает в сумерках из тьмы преисподней. Теперь дед стал своим в мире духов. Не то мертвый колдун, который, как всем известно, втрое сильнее живого, не то опасный хулиган, квисин-бродяга, который свободно гуляет в трех мирах и никого не боится.

– Мотылек, – голос деда глухо прозвучал из-под маски. – Иди сюда. Мне сегодня понадобится твоя помощь.

И он надел на голову мальчику высокую раскрашенную шапку с прорезями для глаз, похожую на диковинный шлем. Шапка тут же нахлобучилась до самого подбородка, и как Мотылек ее ни крутил, кое-что видно было только в одну прорезь, а вторая оказалась где-то в области уха.

– Что мне надо делать?

– Садись сюда, справа от меня, на тот коврик... Так... И бей вот в этот барабан.

– Как бить-то? – растерялся мальчик, принимая небольшой барабан, похожий на половинку обтянутого кожей арбуза.

– Да вот так, – шаман протянул ему две короткие толстые палочки с обмотанными кожей концами. – Бум-бум-бум... Не части, но и паузы не делай. Понял?

– Ага... А зачем?

– Отгонять квисинов, пока я буду искать в мире духов здешнего безымянного бога.

– Я? Гонять квисинов? – Мотылек слегка оробел.

– Я буду искать. Ты – стучать. Ничего страшного. Бог будет разговаривать со мной, а тебя он даже не заметит.

Мотылек вздохнул и для пробы тихонько стукнул в барабан. Звук ему понравился.

Ута уселась поудобнее, глядя на шамана с восхищением, а на внука – с гордостью и волнением. Шаман положил на решетку над жаровней первый пирог. Белесые волны благовонного дыма поплыли к потолку, перебивая запах горелого теста.

– Готов?

Мотылек кивнул и ударил в барабан.

Глухой ритмичный стук как будто перенес все происходящее в какой-то иной мир, во владения духов – и в то же время все стало всерьез, по-настоящему. Мотылек быстро проникся важностью своих действий. Он старательно стучал в барабан и ярко представлял, как в жирной могильной земле вокруг храма проснулись и зашевелились квисины, как они выглядывают из дренажных канавок и ям с черной водой, как сползаются со всей рощи к святилищу, заинтересованные стуком барабана, но не решаются войти внутрь. Стук тревожит их, одновременно и призывает, и пугает...

Между тем шаман опустился перед жертвенником на колени, сел на пятки, выпрямил спину, плавно развел руки широко в стороны – словно крылья распахнул, – и негромко, нисколько не напрягая голоса, затянул на одной ноте молитву на незнакомом языке. На обычный дедов голос совсем не похоже, казалось Мотыльку. Это поет то существо, в которое он превратился, надев маску. Поет монотонно, нарочно гнусаво и уныло, как будто хочет голосом долбить дыру в мир духов – тук, тук; поет, как капля, что камень точит – кап, кап. Так можно петь часами. От этого пения Мотылек даже начал сбиваться с ритма. Ароматный дым щиплет глаза, кружится голова, и все идет по кругу – белая маска, перья, лисьи хвосты, стены, жертвенник, бабушка у дверей... Стук барабана доносится словно со всех сторон сразу. Мотылек уже плохо понимает, где храм, где барабан, а где он сам. Пропадают границы, все сливается в одно. Крыша раскрывается, с неба медленно опускается пылающее солнце – это идет питаться жертвенным дымом безымянный бог острова. Дед разыскал его на небесах и

пригласил посидеть за праздничным столом. Вокруг стен храма мельтешат степные, лесные и кладбищенские квисины. Из-под земли, придавленное зачарованными стелами и каменными плитами, пытается просочиться наверх нечто холодное, темное, хищное. Оно тоже голодно, и очень давно, но ему не преодолеть барабанного рокота. Теперь Мотыльку кажется, что он сам – барабанные палочки, и стучит вовсе не барабан, а его собственное сердце. Нельзя сбиваться с ритма! Если он стучать перестанет, то и сердце у него остановится. Потом вдруг шелк – как будто порвалась бечева воздушного змея. Мотылек взлетает над полом храма. Ему становится легко и весело. Он чувствует, как барабанный рокот наполняется грозной силой, и демоны в испуге отползают от храма. Удары становятся полновесными, сильными и уверенными. Как будто каждый удар – не по барабану, а по макушке очередного квисина. Мотылек кажется себе неуязвимым и бесстрашным. «Я расчистил дорогу, дед! – мысленно восклицает он. – Веди сюда безымянного бога – путь свободен! Бесстрашный победитель демонов идет впереди тебя со своим наводящим ужас на врагов барабаном!»

– Мотылек!

Откуда-то издалека долетает знакомый голос.

Барабан грохочет, как гром, как весенний шторм на Микаве. Мотылек лупит палочками по натянутой коже, запрокинув голову. Прямо над ним – огромное, во все небо, солнце. Пусть оно сожжет храм и его самого – ему все равно!

– Мотылек! – Голос приближается. – Больше не надо стучать!

Кто-то смеется и вынимает из его рук палочки. Сияние тускнеет, крыша возвращается на место. Мотылек моргает, как будто проснувшись, и видит деда Хару, уже без маски, который со смехом забирает у него барабан и прячет в ларь.

– Разве уже всё?

Мотыльку показалось, что все прошло так быстро... Однако в жертвеннике – только зола, и полосок бумаги с пожеланиями больше нет, и даже угли в жаровне больше не светятся от жара.

– Что, увлекся? – улыбнулся Хару. – Молодец, малыш. Для первого раза – просто прекрасно. Пожалуй, из тебя может получиться неплохой шаман. Как ты на это смотришь, Ута? Лет через пятнадцать—двадцать он ведь вполне меня заменит, а?

– Какой из него шаман? Такой шалун, непоседа – и шаман... скажете тоже...

Ута скромничала, но ей были чрезвычайно приятны слова Хару. Она, конечно, не видела ни безымянного бога, ни квисинов, но была горда, что внук справился с таким ответственным делом.

– А мне понравилось! – Мотылек вскочил на ноги. Он уже пришел в себя. – Я нисколько не устал! Я могу стучать хоть целый день! Еще громче!

– Громче – не надо, – притворно испугался шаман. – Иначе разгонишь всех духов с этого острова, и я останусь без работы. Ну, почтили бога, теперь можно и Голодных Духов чествовать, – с этими словами Хару выставил всех из храма и задернул соломенную занавеску. – Пойдемте-ка в мою убогую хижину, чай пить. С чем там, Мотылек, говоришь, пироги-то?

Глава 7

О том, почему государственная печать – лучшее оружие против бесов

Вот наконец и настал долгожданный день – в Небесном Городе объявили результаты государственных экзаменов. Как и ожидалось, Рей вошел в число «весьма отличившихся», получил младший придворный чин и назначение в канцелярию одного из провинциальных губернаторов. Ким, Чинха и Хэ с треском провалились. Не помогли ни предки, ни репетиторы.

Хэ тут же записался сразу к нескольким ученым книжникам, чтобы сделать очередную попытку в следующем году. Чинха воспринял новость с неприкрытым равнодушием. По секрету он признался Киму, что не собирается возвращаться домой, а останется в столице. Чем будет заниматься, однако, не сказал. У него появились какие-то новые приятели – из тех, что не служат ни в армии, ни в канцеляриях, зато носят напоказ мечи в роскошных ножнах, расписывают рукава таинственными знаками и пользуются особым вниманием ведомства охраны мира и порядка.

Ким к своему провалу отнесся восторженно. Теперь, когда вопрос чиновничьей службы отложен по крайней мере на год, может случиться все что угодно. Авось дядя сменит гнев на милость и устроит-таки Кима в хвараны? Но на следующее же утро князь Вольгван самолично отправился в приемную комиссию, а вечером во дворец Вольсон пришло официальное уведомление, что произошла ошибка: Ким, оказывается, экзамен сдал, «явив экстраординарные таланты», и получает назначение не куда-нибудь, а в Небесный Город. Неизвестно, что сделал князь, – дал ли взятку или просто надавил на комиссию своим авторитетом, – но для приемыша все было кончено. Ким впал в отчаяние. Его долг перед опекуном возрос неизмеримо, и теперь он вообще не знал, как ему отвертеться от ненавистной чиновничьей шапки. Хоть правда в монахи уходи.

Приключение с бесом (или лазутчиком) все еще оставалось неразгаданным. Ким несколько раз спрашивал Сайхуна, как идет расследование. «Ищут», – лаконично отвечал сводный брат. Но Ким почти не верил в успех. Раз уж лазутчика не схватили по горячим следам, то теперь искать его – что ветра в поле. Если только сам снова не объявится. И, вместо того чтобы морально готовиться к службе, Ким снова и снова обдумывал слова парня в черном. Все-таки – зачем лазутчик предлагал ему убить Рея? Ясное дело, не потому, что тот якобы станет бессмертным и погубит Кима! Даже в этом – противоречие. Всем известно, что бессмертные не вмешиваются в светские дела. Они или сидят у себя в горах, благостно сливаясь с природой, или баламутят народ на улицах и рынках своими сумасшедшими выходками.

«С другой стороны, что я знаю о бессмертных? – задумался вдруг Ким. – Кроме того, что так называют отшельников, гадалелей, знахарей и прочую шушеру, которая вертится у врат Нижнего мира, продавая всем желающим крохи сворованных у бесов знаний? Но ведь „бессмертный“ – это не более чем вежливое обращение. Может, есть еще что-нибудь?»

Как и большинство молодых аристократов, Ким был не особо религиозен. Он послушно выполнял все обязанности и ритуалы, связанные с государственным культом предков, а о прочих имперских богах и учениях имел самые туманные представления. Например, была популярная, быстро набирающая популярность секта Идущих в Рай – наимоднейший в придворной среде предмет для упражнения в остроумии. Ким всей душой разделял великосветское презрение к Идущим в Рай. Надежда на посмертные блага в мифической Земле Радости – последнее прибежище слабых и беспомощных, а он, хвала предкам, был не из их числа. О горных отшельниках Ким мог навскидку вспомнить с десяток неприличных баек, но сам ни разу живого отшельника не встречал. Что касается юродивых, вроде известного в Сонাকে дурачка, который

болтался по рынку с медным чайником и всем говорил, что у него там внутри Вселенная, то Ким даже не рассматривал их всерьез.

Рей много раз намекал, что хочет «удалиться в весенние горы», сменив карьеру на духовные труды и поиски. Проблема была в том, что Ким понятия не имел, в какой именно монастырь собрался Рей и какому божеству он намеревается посвятить свою жизнь. Зная приятеля, Ким опасался, что Рей уйдет однажды втихомолку, так ничего ему и не рассказав. Как же поступить? Может, пойти к Рею и спросить у него прямо: «Ты, друг, не собираешься ли случайно стать бессмертным и погубить империю, да и меня заодно?» А если он скажет: «Конечно, не собираюсь!» (как наверняка и будет) – что предпринять дальше?

«Все равно надо бы вызвать его на разговор, пока не поздно, – в конце концов решил Ким. – Но не допытываться в лоб, а подойти издалека – дескать, а не потянуло ли тебя, друг, к духовным трудам, – и посмотрим, что он расскажет...»

Дома Рея не оказалось. Ким подождал немного и решил заехать в другой раз. Но, свернув за угол, наткнулся на друга, который едва шел, нагруженный, словно книжный торговец, разнообразными футлярами, запечатанными свитками и прямоугольными коробками для резных книг.

– Здорово, брат! – закричал Ким еще издалека. – Готовимся к вступлению в должность?

– Лучше помоги донести эти проклятые фолианты, – пропыхтел Рей, – пока я их, к бесам, не рассыпал по всему Сонаку...

– Это что? Судебные кодексы?

Ким подхватил часть коробок, заглянул под крышку верхней – и расхохотался.

– «Волшебное сказание о Летящем в Вихре»? Зачем тебе? Решил разгрузить мозги после зубрежки?

Рей пробормотал что-то неразборчивое, потом спросил, явно меняя тему:

– Ты сам-то как здесь оказался? Мимоходом или меня искал?

– Ага, тебя.

– Что-то срочное?

– Нет, просто вдруг захотелось поболтать о том о сем. Кстати, поздравляю тебя с успешной сдачей экзамена. Праздновать-то когда будем?

– Никогда. Уж повеселились, хватит. Меня после прошлого раза целый день наизнанку выворачивало. Ты уж извини, Ким...

– Да ладно, у меня у самого нет настроения веселиться. Вот если бы я провалился, ух какую гулянку бы я закатил – чтоб небо рухнуло и земля расступилась! Ее бы в Сонаке надолго запомнили!

Ким мечтательно закатил глаза, потом покосился на Рея:

– Слушай, ты почему невеселый? Ты должен сиять от счастья и примерять придворный костюм, а вместо этого сказки читаешь. Что, получил плохое назначение?

– Нет, вполне приличное, – равнодушно ответил Рей. – Если похлопотать, можно устроиться и в Чигиль, поближе к родственникам. Но это не важно. Я все равно не собираюсь идти на службу.

Ким остановился и схватил его за рукав:

– Вот об этом-то я и хотел с тобой поговорить! Только наедине, чтобы никто не путался под ногами...

Рей задумчиво посмотрел вперед, где уже показались высокие ворота отцовской усадьбы. По двору сновали слуги, над кухней поднимался дым – время близилось к обеду.

– Не хочешь пойти на старую городскую стену?

– А, на твое любимое место, к монастырю Маго? – понимающе кивнул Ким. – Давай. Только купим по дороге всяких закусок да прихватим пару-тройку кувшинчиков, чтобы не простудиться, а то там всегда так дует...

Рей рассмеялся:

– Вот книги занесем, и я готов.

Когда в незапамятные времена Желтый Государь задумал собрать все царства Среднего мира под своей рукой, а столицей будущей империи решил объявить Сонак, первым делом он приказал обнести город надежной стеной. Сначала стена была просто тыном из обтесанных и заостренных бревен, который дружинники Желтого Государя построили своими руками, чтобы сподручнее отбиваться от недовольных соседей. Завоевав очередное царство, будущий император приказывал согнать всех уцелевших мужчин на постройку новой стены – непреодолимой и внушающей мысли о вечном превосходстве правителей Сонака. В царствах, завоеванных Желтым Государем, мужчин, как видно, оказалось немало. Каменная стена, опоясавшая Иволгин холм, на котором раскинулся Сонак, пережила века. Уже и сам Желтый Государь, и его завоевательные войны стали туманной легендой, а стена стояла так же нерушимо, как и прежде. Ширина стены была такова, что по ней могла проехать боевая колесница; высота в иных местах достигала сорока локтей. Правда, свое оборонительное значение она давно утратила. За прошедшие столетия Сонак спустился с Иволгина холма, разросся вширь, раскинул щупальца пригородов; на соседнем, более удобном холме был возведен Небесный Город, и сердце империи с тех пор находилось именно там. А на Иволгином холме, за древней стеной, воцарилась сонная тишина. Только поблескивали среди сосен выцветшие голубые черепичные крыши храмового комплекса бессмертного Маго, покровителя священного книжного знания.

Рею уже давно полюбилось одно местечко – рядом с остатками восточной сигнальной башни. Он набрел на него случайно, когда лазал по крепости в перерывах между занятиями у репетиторов из храма Маго. Взобрался на стену и замер в восхищении: весь город как на ладони. Безупречный прямоугольник запретного Небесного Города, вокруг него раззолоченным поясом – Поднебесный Удел; хаотически застроенные торговые и ремесленные кварталы, порт, излучина реки, бабочкины крылья парусов, пестрые квадратики полей, синеющие к горизонту равнины в окружении далеких гор – от бесконечных плоскогорий севера до фантастических острых пиков юга. Только на востоке мерцает сочная просинь – полоска моря...

– А за морем – Кирил, – мечтательно произнес Ким.

Он стоял на краю сигнальной башни, придерживая рукой шапку. Ветер бил ему в лицо, заставляя щуриться. Под ногами – обрыв, отвесная скала. Потому и стена здесь невысока, чтобы взобраться на нее изнутри крепости, достаточно ухватиться за край и подтянуться.

– Что тебе этот Кирил? – проворчал Рей, прижимая камешками бумажную скатерть, чтобы не улетела. – Дикая, варварская страна. Леса, горы, острова, и куда ни плюнь – всюду демоны.

– Ты не понимаешь. Я там родился. До шести лет жил как простой рыбацкий мальчишка, был совершенно счастлив и даже об этом не подозревал. Понял, только когда все закончилось в одночасье...

– Ага. Слушай, мы курицу покупали с перцем или с шафраном?

– Кажется, с перцем, – сказал Ким, отступая от края стены.

Рей с треском разорвал плотный бумажный пакет, и в воздухе повеяло божественным ароматом копченой курятины. Кроме курицы, приятели купили большой кувшин просяного пива. Устроились в башне, так, чтобы укрыться от ветра, но в то же время любоваться видом. Ким отошел от края стены, сел к «столу», отломил себе сразу полкурицы и впился зубами в белое мясо. На свежем ветерке с курой расправились в два счета, чавкая, слизывая жир с пальцев и запивая пивом из горлышка. Обедки аккуратный Рей собрал в пакет и скинул со стены в пропасть.

– Ну, о чем ты хотел со мной поговорить? – спросил он, вытирая руки о скатерть.

Ким, так и не придумавший никакого обходного маневра, быстро дожевал курицу и пошел напролом:

- Расскажи мне, братец, что-нибудь о бессмертных. Рей изломил бровь, задумался.
- Хе, какие вопросы. Почему это тебя вдруг заинтересовали бессмертные?
- Ты брось отвечать вопросом на вопрос, а говори по существу.
- Ладно, ладно, – поднял руки Рей. – Итак, «бессмертные». Если начать издалека, это очень обширное понятие, включающее в себя множество самых разных толкований...
- Давай не издалека, а поближе.
- Как скажешь. Ну, во-первых, существует выражение «Семеро Бессмертных» – тебе наверняка знакомое. Это, попросту говоря, несколько чародеев, которые давно уже перестали быть людьми, переродились, вошли в Небесную Иерархию и по своему статусу практически равны богам. В их честь воздвигают алтари и часовни, устраивают праздники...
- погоди, так я о них знаю!
- Разумеется. На самом деле бессмертных, конечно, гораздо больше. Просто обычные люди их распознать не могут. Их жизнь проходит как бы в ином срезе мира, хотя специально они не прячутся – незачем. Ведь большинство обывателей не способны видеть дальше своего носа... Ну и в-третьих, существует невероятное количество примазавшихся – знахарей, целителей и прочих бездельников, – которые тоже нахально величают себя бессмертными. Какие именно тебя интересуют?
- А бес их знает... Наверно, те, которые настоящие, – если это всё, конечно, не сказки. «Бессмертный» – это просто титул такой, или они на самом деле не умирают?
- Что они долгожители – это истинная правда. Некоторые отшельники доживают аж до девяноста, а порой и больше. А что касается бессмертия... Вот представь – приходит к тебе такой румяный старичок, легкий, стройный, подвижный – и говорит, что ему стукнуло триста лет. Ты ему поверишь?
- Нет, конечно.
- Вот видишь... Ким в задумчивости укусил ноготь.
- Почему я таких типов никогда не встречал?
- Ты меня слушал или нет? Допустим, ты встретил бессмертного. Как ты его распознаешь, если он сам тебе об этом не скажет? При этом внешне он ничем не отличается от обычного человека.
- Угу... – промычал Ким. – Уже что-то нащупывается. Стало быть, бессмертные – не шарлатаны...
- *Некоторые* из них, – поправил Рей.
- А вот еще спрошу тебя, братец, – как можно стать бессмертным? Не шарлатаном, а настоящим. Есть какие-нибудь школы, или монастыри, или тайные общества, а?
- Рей вздохнул и устремил взгляд к горизонту:
- Мне-то, бедному студенту, откуда знать? «Кому как не тебе, лицемер», – подумал Ким и сказал:
- Да ладно, не притворяйся. Разве ты сам не собираешься стать бессмертным?
- Как ни пытался Рей сохранить невозмутимость, не удержался – покраснел.
- Кто тебе сказал такую чушь?
- Я сам догадался, – бросил Ким.
- Давно?
- Ну, подозревал что-то такое еще перед экзаменами. Но наверняка – буквально только что.
- Понятно, – буркнул Рей. – Прочитал название книги. Так я и подумал, что все эти расспросы – не просто так. Даже догадываюсь, к чему ты клонишь...
- «Вот это вряд ли», – подумал Ким.

– ...Только, брат, имей в виду – это все только выглядит заманчиво. Думаешь, это так просто – стать бессмертным? К тому же никто о них ничего не знает. На каждом шагу спотыкаешься о ложь...

– А сам-то откуда о них узнал?

– Ты не представляешь, чего мне стоило разыскать хоть какие-то правдивые сведения. Собирал буквально по крупицам, сидел в библиотеках, выпрашивал монахов, жрецов, надо-едал гадателям...

– Хорошо. Так куда ты едешь?

– Есть один монастырь, в горах Чирисан, – уклончиво ответил Рей.

– А ты уверен, что тебя туда примут?

– Да, уверен. Хватит, Ким, больше ни слова не скажу. Я и так, похоже, наболтал лишнего. Всё пиво виновато...

Солнце скрылось в облаках, и на стене сразу стало промозгло и неуютно. Ким почувствовал, что замерз. Приятный шум в голове уже выветрился, остался только кисловатый пивной привкус во рту.

– Не понимаю, брат, – сказал Ким. – Что тебя-то в этом всем так привлекает? Ты же сам понимаешь, что с твоими талантами лет через десять—пятнадцать, если все сложится благоприятно, наверняка станешь крупным государственным деятелем. Так зачем менять роскошные карьерные перспективы на захолустный монастырь в южных горах? Ну просидишь ты двадцать—тридцать лет на горе, ну станешь бессмертным – и что?

Рей сидел, опустив глаза, и вертел в пальцах куриную косточку.

– Этого не понять, – сказал он. – Пока сам не встретишь бессмертного. После этого любые объяснения становятся излишними.

– Ты хочешь сказать, что встречался с настоящим бессмертным?

– Вот именно. Рассказать?

– Конечно!

– Ну слушай. Мне было семь лет, когда отец впервые взял меня с собой на большой прием во дворец губернатора провинции Сондже. И там...

Первое, что бросалось в глаза в облике губернатора Сондже, – это его уши. Огромные, оттопыренные, заостренные и волосатые, они вызывающе торчали из-под крыльев церемониальной шапки, придавая губернатору одновременно жутковатый и дурацкий вид. Но самого правителя это нисколько не беспокоило. Он был всецело поглощен целиком зажаренной толстой водяной змеей, фаршированной кошками. Такая змея – дорогое и изысканное блюдо – обычно служила украшением многолюдного пира. Губернатор же намеревался сожрать ее в одиночестве. Сотни глаз – придворные, стражники, просители, участники делегаций – молча следили за ним, почтительно дожидаясь, когда правитель наконец насытится и перейдет к государственным делам. Тишина в огромном приемном зале нарушалась только чавканьем, стуком челюстей и треском разрываемых кусков мяса.

– Может, хватит жрать? – раздался вдруг громкий голос из коленопреклоненной толпы. Стражники зашевелились, высматривая самоубийцу, но тот облегчил им задачу, поднявшись на ноги. Говоривший оказался типичным бродячим монахом в потрепанной рясе, с лыковым коробом за спиной. Как он проник в губернаторский дворец – непонятно. Присутствующие беспокойно зашевелились, по залу пополз шепот. Начальник стражи негромко приказал кому-то: «Не выпускать хама». А в толпе вдруг явственно прозвучало: «Бессмертный!»

– Простой народ, – заговорил монах, нагло глядя на мохнатые уши губернатора, – жалуется на тебя, правитель. Говорят, ты забыл о пути Неба и Земли, изнурил провинцию налогами, откровенно торгуешь должностями, целыми днями обжираться, казнишь людей без суда и следствия... Вот я и решил взглянуть сам. Ну, что могу сказать – безобразие и позор!

В зале стало тихо, как в могиле. Вокруг монаха мгновенно образовалось пустое пространство. Одни просители смотрели на смельчака с ужасом и жалостью, как на живого покойника, другие отворачивались и отползали подальше, чтобы их не обвинили в соучастии. А третьи от любопытства даже приподнялись с колен, чтобы не пропустить момент, когда наглеца станут вязать, а если повезет – так и убивать на месте.

– Далек ты от идеала благородного мужа, губернатор! – как ни в чем не бывало продолжал бродячий монах. – Наверно, не знаешь, что несправедного судью в преисподней будут вечно кусать за нежные бока девяносто девять драконов? Покайся!

Начальник стражи смотрел на губернатора, ожидая приказа. А губернатор только махал руками и что-то мычал, потому что огромный кусок кошатины неожиданно застрял у него в горле.

– Впрочем, тебе это уже не поможет, – сказал монах. И тут – никто не заметил как – он оказался возле обеденного стола, выхватил из рук секретаря губернаторскую печать и хлопнул этой печатью губернатора прямо по лбу.

Лопочухий выпучил глаза, раскрыл рот, захрипел, словно задыхаясь, и вдруг изо рта у него вылетел какой-то темных дымок. Монах что-то быстро произнес, схватил со стола тушечницу, щелкнул крышкой – и дымок пропал. Губернатор что-то промямлил, упал мордой в блюдо со змеей и захрапел. Монах убрал тушечницу в рукав, положил печать на стол и обернулся к придворным.

– Вы были свидетелями обряда изгнания злого духа, который пожрал душу вашего правителя, – торжественно объявил он. – Судя по всему, я поймал одного из несправедных судей Адской Иерархии – дома разберусь...

Монах с довольным видом погладил крышку тушечницы.

– Можете меня поблагодарить. Денег я не беру, но на обед останусь с удовольствием.

Первым опомнился секретарь.

– Держите его! – заверещал он. Его крик был подхвачен десятками голосов.

– Покушение на губернатора! Хватайте колдуна! Стражники, точно очнувшись, бросились к монаху, выхватывая на бегу мечи.

– Убийца! – орал секретарь (губернатор похрапывал в блюде). – Чернокнижник! И отдай мою тушечницу!

Монах неожиданно разразился хохотом.

– На! – Он сунул сосуд секретарю под нос. Тот отпрянул и увидел, что крышечка тушечницы шевелится, словно кто-то толкает ее изнутри...

– Еще шаг, и бес вылетит! – громко объявил монах во внезапно наступившей тишине. – Даже и не знаю, в кого он вселится на этот раз?

Секретарь издал вопль ужаса и упал в обморок. Воздух наполнился криками...

– И тут началось такое столпотворение, – закончил Рей, – что, не затащи меня отец под ближайший стол, меня наверняка бы затоптали. Все повскакали со своих мест и, не разбирая чинов, давя друг друга, во главе с начальником стражи кинулись к выходу. Последнее, что я видел, прежде чем кто-то перевернул стол и двинул мне каблуком по голове, – бессмертного, который неподвижно стоял среди этого хаоса и хохотал. Говорили, потом он спокойно ушел через парадные ворота, и никто даже не попытался его задержать...

– Да уж, славная история, – со смехом сказал Ким. – Так вот почему прошлый губернатор Сондже ни с того ни с сего подал в отставку! Значит, Рей, ты действительно считаешь, что этот знахарь был из настоящих бессмертных?

– Конечно! Кто же еще обладает такой силой? Подобной власти нет ни у одного чиновника. Даже первый министр вынужден подчиняться условностям этикета, долгу, закону, в конце концов! А бессмертному закон не писан – он сам себе закон. Это абсолютная власть, и притом не ограниченная во времени. Сколько может продержаться министр – ну год, ну десять,

ну двадцать. И всё. А бессмертный – ты только представь, Ким! Века, тысячелетия могущества! Вот где перспективы!

Ким посмотрел на разгоревшегося Рея и подумал про себя: «Ого! Ну и честолюбие!»

– Да, теперь я начинаю тебя понимать, – сказал он вслух. – Я-то поначалу думал, что ты хочешь присоединиться к этому бестолковому сборищу отставных чиновников и овдовевших старух, – я имею в виду сектантов вроде Идущих в Рай. Ты меня убедил, Рей. Бессмертные – это мощь! Это...

– Эй, не спеши! Как бы мне не пожалеть, что я тебе все это рассказал. Не вздумай увлечься этой идеей. Ты – человек совершенно не подходящий для духовного подвижничества. Для этого нужна такая воля, такая самоотдача... А тебе через неделю надоест вставать на заре – и ты сбежишь домой.

– Откуда ты знаешь, что у меня получится, а что нет? – высокомерно спросил Ким. – Я и сам не знаю, на что я способен!

– То-то и оно.

Несколько минут они оба молчали. Ким следил взглядом за пятимачтовым океанским парусником, который медленно удалялся к горизонту, держа курс в сторону островов Кирым.

– И когда ты отправляешься? – спросил он Рея.

– Пока не знаю. В принципе, я уже готов. Только надо сходить к гадалею, чтобы вычислить благоприятный день выхода и получить предсказание на дорогу.

– К кому пойдешь?

– К святому наставнику Кушиуре. Модный гадалец, очень авторитетный. Слышал о нем?

– Не-а.

– Моя очередь подходит послезавтра. Хочешь сходить со мной?

– Почему бы нет?

– Вот и отлично, договорились.

Глава 8

Стрекозий остров. Безымянные боги Кирима

Когда дневная жара спала, солнце скрылось за верхушками деревьев и с реки повеяло прохладой, бабушка Ута начала собираться домой. Хоть ей предстояло идти одной, зато налегке и по холодку, к тому же Хару решил ее немного проводить, побеседовать по дороге о том о сем. Мотылька Ута оставила в священной роще и сказала, что вернется за ним через пять дней, когда закончатся дни Голодных Духов и закроются адские врата. Она считала, что в святилище, под защитой безымянного бога и его слуги – шамана, Мотылек будет лучше защищен от бесов, чем в деревне.

Проводив пожилую женщину, Хару вернулся к храму. Ему навстречу выскочил Мотылек с метлой в руках – босой, штаны закатаны до колен, на локтях бахромы из паутины.

– Готово, дед! Все подмел! Проверь, как чисто. Шаман поднялся на крыльцо и заглянул внутрь.

– Ага... Вижу, что вся грязь с пола переместилась на тебя.

– А ты знаешь, сколько там было этой грязи?! Листья, паутина, ягоды какие-то! Ты, наверно, нарочно копил ее для меня с самого нового года?

– Разумеется, – хмыкнул шаман. – Ну, если закончил с уборкой, можно развлечься небольшим уроком чтения...

– Дед, а поиграть?! – возмутился Мотылек.

– Потом поиграешь, лентяй. Смотри – темнеет. Пойдем-ка на кладбище, проверим, как ты запомнил прошлый урок. А зайдет солнце, будем зажигать фонарики в храме...

В последний год Ута уже не раз оставляла внука погостить у шамана. Мальчик чем мог помогал ему по хозяйству, а Хару рассказывал ему разные истории о духах, пел с ним шаманские песни – самые простенькие и безопасные – и понемногу начал учить его читать. Никаких книг у него не было, да он в них и не нуждался. Всё святилище с его надгробиями было огромной книгой. Старик и мальчик вышли из храма и отправились бродить между могилами. Хару всматривался в стелы, Мотылек, вздыхая и глядя себе под ноги, плелся за ним.

– Вот эта, – выбрал Хару, остановившись перед высокой гранитной плитой, где надпись казалась по-разборчивей. Над могилой росла стройная раскидистая ива с нежными зелеными косами.

Мотылек мрачно взглянул и слегка оживился.

– Ого, тут картинка!

Он влез на замшелый жертвенник, чтобы рассмотреть барельеф поближе.

– Дед, смотри – воин с копьем. Почему опять воин? Прошлый раз тоже был воин... Ух ты, а внизу-то – дракон!

– Не дракон, а вани, – механически поправил шаман. – Не отвлекайся. Что тут написано? Давай-ка... Всё очень просто. Вот этот двойной символ «сгинь-пропади» мы как раз в прошлый раз выучили...

Над небольшим искусным изображением юного воина, поражающего копьем морское чудовище, сверху вниз сбегало три ряда знаков. Символы разделялись на простые и сложные. Простых было всего двадцать четыре, каждый означал слог, и Мотылек их давно уже выучил. Собственно, можно было на этом и остановиться – для обыденной переписки их вполне хватало. Но шаман настаивал, чтобы Мотылек учил и сложные, которыми в древнем Кириме пользовались все, теперь же – только жрецы. А сложных насчитывалось, – как однажды дед сказал Мотыльку, серьезно его напугав, – больше пятидесяти тысяч.

– Ну, прочел?

– Здесь сказано, – заговорил мальчик, водя пальцем по камню, – «Услышь меня, чей дом – земля, о ты... – дальше незнакомый знак, – ...которого я призываю из вечного огня и кипящей воды!»

Прочитав, он гордо взглянул на Хару. Шаман сдержанно кивнул. Он не хуже мальчика знал, что это обращение к божеству встречалось почти на всех могилах, и Мотылек давно выучил его наизусть.

– Дальше.

– Пусть на землю и... хм... ах да – на океан...

– На воду.

– Придет... вернется...

– Тишина, – закончил Хару. – Этого мы еще не проходили. Запомни символ и читай дальше.

Мотылек, шевеля губами, разбирал про себя последний столбец.

– А враг... Не знаю... в общем, пусть сгинет и не возвратится никогда.

– Не «враг», – Хару ткнул во второй сверху знак, – а «брат».

– Какой еще брат? Чей?

– Это к делу не относится. Начерти оба новых знака вот тут, на земле, по десять раз каждый. Потом проверим, как ты их запомнил.

Мотылек подобрал сухую ветку и принялся чертить на тропе символы.

– А первый знак? – спросил он. – Как всегда?

– Да, – кивнул Хару. – Имя бога пропускаем. Мотылек поднял голову.

– Слушай, дед, а чего я подумал – неужели нельзя прочесть символ и узнать наконец, как его зовут?

– Нельзя, – сказал шаман. – Никто не может прочесть этот знак. На нем заклятие.

– Какое еще заклятие? Почему?

– Потому что это киримский бог. Все киримские боги безымянны.

– А почему?

– Дело было так, – шаман присел на каменный край жертвенника. – Много сотен лет назад, как ты знаешь, случилась большая война. Кирим сражался с империей – и проиграл. Значит, боги империи оказались сильнее, чем наши, киримские. С тех пор мы поклоняемся имперским богам, а киримские, по приказу императора, низвергнуты, лишены имен и забыты.

– У-гу... – протянул Мотылек. Он не совсем понял, в чем дело. – А при чем тут имена?

– Для бога имя – это всё. Ведь боги бессмертны, только покуда их помнят люди. Если богу не поклоняться, он слабеет, вырождается и в итоге умирает. Лучший способ погубить бога – сделать так, чтобы о нем все забыли.

– Но мы ведь помним о том, что безымянный бог *был*?

– А откуда мы знаем, кто он такой? Вот тут, – шаман указал на стелу, – изображены молодой воин и морское чудовище вани. Как зовут воина? Почему в его руке копьё? Хочет ли он убить вани? Или он – его хозяин? И какое отношение они оба имеют к нашему безымянному богу? Никто ничего не помнит. Ладно... Шаман оборвал свою речь, заметив, что Мотылек, вместо того чтобы писать символы, сидит на корточках и таращится на барельеф.

– Вынь изо рта ветку и пошли к следующей стеле. Мотылек встал, но, вместо того чтобы последовать за шаманом, уставился на пронзаемого копьём «дракона». Неведомый камнерез как будто хотел наделить его чертами самых ужасающих обитателей архипелага. Чудище выглядело как помесь ящерицы и змеи, с огромной, полной зубов пастью, четырьмя толстыми когтистыми лапами, длинным гребнистым хвостом и острым плавником на спине.

– Дед, – спросил мальчик, – а вани бывают на самом деле?

– Да, конечно. Но они совсем не такие. Сразу видно, что камнерез их никогда не видел живьем. Эти твари обитают в океане, далеко-далеко, в глубокой воде, куда рыбацьи лодки не

заходят. Сами они гладкие, черные, здоровые, как быки, похожие на рыб, но не рыбы. Вместо плавников – лапы с перепонками...

– А дядька Карп рассказывал всё не так. Что вани живут не в открытом море, а на рифах, и вовсе они не гладкие, а бугристые да шершавые – тронешь рукой, кожу сдерешь. А зубищи у вани в три ряда, и он может проглотить человека целиком!

– Хе-хе... Карп сам-то видел вани хоть раз в жизни?

– Нет, он сам не видел, но его двоюродный брат рассказывал, как десять, а может, двадцать лет назад один вани заплыл в дельту и кружил вокруг лодок – только черная спина из воды торчит, а на спине острый плавник, как парус. Дядька Карп говорил, что все парни, кто был в воде, так к берегу дунули, аж вода закипела! Дед, а вани едят людей?

– Вот чего не знаю, того не знаю, Мотылек.

– А на берег вани выходят?

– Полагаю, нет. Если бы они на берег могли лазать, так и жили бы не в море, а здесь, у пристани – еды-то побольше, да и ловить ее попроще будет...

– Ой, дед, не пугай меня на ночь глядя!

– А теперь хватит меня отвлекать и пошли дальше.

– Ой смотри, смотри! – завопил Мотылек, схватив его за руку. – Вон там, под деревьями! Глаза!

– Где? – Шаман, прищурившись, взгляделся в сумрак.

– Да вон там! Это вани выполз из реки! Но в той стороне, куда указывал Мотылек, было совсем темно. Солнце давно уже ушло за деревья, в багровые облака на западе. В темно-синем небе зажглись первые звезды. В священную рошу вступала прохладная ночь позднего лета.

– Должно быть, квисин-болотник, – устало сказал Хару. – Или лисица вышла на ночную охоту. Ну, Мотылек, ты все-таки добился своего. Тянул время, пока не стемнело. Пошли к храму, пока нас комары совсем не закусают.

Темнело очень быстро. Добирались до храма почти на ощупь. Хару зашел в свою хижину – на самом деле это была маленькая пристройка у задней стены храма, – принес оттуда жаровню и лампу, поставил их на пол. В храме сразу стало таинственно и уютно. В лампе плясал язычок пламени, отбрасывая длинные тени, приятно пахло горячим маслом и прогоревшими до звона углями. За соломенной занавеской зудели комары, стремясь пробраться внутрь, к теплу. Отсюда, изнутри, квисины казались Мотыльку совсем не страшными существами, даже хотелось крикнуть им с порога: «Заходите погреться на огонек!»

Хару тем временем достал из своего сундука несколько хрупких бумажных фонарей на деревянном каркасе, выбрал один, подлил масла в плошку и зажег внутри огонь. Фонарь он вынес на крыльцо и поставил там на верхнюю ступеньку. Мотылек знал, что в это самое время все жители Стрекозьего острова делают то же самое – зажигают у дверей фонари, чтобы души их умерших предков нашли дорогу домой. Там, на домашних алтарях, их ждет жертвенное угощение и записки с подробными просьбами позаботиться о детях, внуках и правнуках. Целых три дня будут гостить предки у живых, а потом вернуться обратно в подземный мир.

Бабушка Ута ставила у дверей три фонаря – для своего мужа и двоих сыновей, погибших на войне. В этот день она готовила их любимые кушанья и рассказывала Мотыльку истории об отце, которого тот никогда не видел, – какой он был лихой парень и удачливый рыбак. Для матери фонарика не ставили. Ута вообще почти никогда не заводила о ней речь. Только однажды сказала равнодушно, что она была чужачка и умерла совсем молодой. Мотыльку иногда казалось, что бабушка ее совсем не знала. А может, даже и не видела никогда.

– Ты будешь ставить фонари? – спросил его Хару.

– Конечно, – Мотылек взял один из фонарей, осторожно зажег в нем огонь, вынес на крыльцо и поставил рядом с дедовским. Несколько мгновений он постоял на крыльце, слушая,

как в темноте верещат цикады. Сумерки быстро сгущались. Мотыльку казалось, что между могилами бродят прозрачные белесые тени.

– Для кого ты поставил фонарь? – негромко спросил Хару.

– Для мамы, – ответил Мотылек. Шаман долго смотрел в сумрак.

– Она будет рада, что ты ее не забыл, – сказал он наконец. – Хоть ты даже имени ее не знаешь, она все равно придет. Слышь, Мотылек, – а давай дойдем до того места, где стена упала. Проводим солнце.

– Зачем?

– Так, что-то вдруг захотелось. А потом вернемся и будем пировать.

Идти было недалеко. Вымощенная плитами дорожка привела их на любимое место шамана – небольшой взгорок на краю «степи», где обвалилась часть стены. Они вышли вовремя – только-только успели увидеть самый край солнца, исчезающий в зловещих багрово-черных тучах.

– Завтра будет ненастный день, – сказал Мотылек, указывая на пламенеющие облака.

Хару не ответил. Он смотрел на закат. Несколько минут они стояли рядом и молчали, глядя, как багровые облака гаснут и становятся лиловыми, постепенно растворяясь в ночной черноте.

Зловещий закат пробудил в памяти Мотылька тревожные воспоминания.

– Мы сегодня видели в степи грибницу, – заговорил он. – Бабушка сказала, что это не к добру. Квисины нам дорогу заступили...

– Пустые суеверия. Человек умирает тогда, когда приходит его смертный час, и никакая грибница этот час ни приблизить, ни отодвинуть не сможет.

Мотылек поднял голову и поглядел на неподвижное, едва различимое в сумраке лицо деда. Шаман казался ему таким же вечным и естественно присущим миру, как сама священная роща, степь, мутная широкая Микава и луна в ночном небе.

– Дед, ты бессмертный? – неожиданно спросил он.

– Нет, – спокойно ответил шаман. – А надо?

– Ну... конечно, надо.

– А зачем?

– Как это зачем? Разве не все хотят жить вечно? В Нижнем мире страшно, там бесы...

– Я не хочу жить вечно, – ответил шаман.

– А я хочу, – с вызовом сказал Мотылек. – И буду. Хару усмехнулся.

– Все дети считают себя бессмертными. Что-то в этом есть... какая-то маленькая часть правды...

Мотылек по голосу догадался, что шаман улыбнулся.

– Знаешь, когда я был ребенком, я помнил себя до того, как родился, – сказал Хару.

– Правда? И кем ты был?

– То ли бабочкой, то ли стрекозой. Помню какое-то плоскогорье, цветущий луг, темное небо в звездах... И себя – легкую такую букашечку с прозрачными крылышками, которая носится над метелками травы и играет с ветром... И времени там не было совсем.

– Вот почему ты не боишься умереть? – сообразил Мотылек. – Ты думаешь, что, когда умрешь – вернешься на тот луг?

– Нет. Да я и не хочу возвращаться. Я хочу идти дальше.

– Куда?

– Не знаю, – беспечно сказал шаман. – Если бы знал, было бы неинтересно.

Мотылек задумался.

– Дед, не умирай, – сказал он. – Я тебе не разрешаю.

Глава 9

Знаменитый предсказатель Кушиура

К гадателю приятели решили пойти пешком. Ким предлагал прокатиться верхом, но Рей наотрез отказался. Дескать, ему надо прогуляться, все обдумать и морально подготовиться. И к тому же, что о нем подумает великий гадатель, если он, будущий ученый и монах, ворвется в его ворота на лихом скакуне, словно какой-нибудь светский щеголь. Киму, к его неудовольствию, пришлось оставить коня в усадьбе Люпинов, и теперь он вышагивал в богатом охотничьем костюме и сапогах для верховой езды, шаркая каблуками по булыжникам и чувствуя себя полным идиотом. Рей, надевший темно-серый длиннополый кафтан полумонашеского покроя, чтобы произвести нужное впечатление на предсказателя, выглядел рядом с Кимом как его камердинер.

– Я договорился с гадателем уже давно, еще до экзаменов, через посредника, – вполголоса рассказывал Рей. – Нелегко было устроить эту встречу, скажу тебе честно. Во-первых, очень дорого берет. А батюшка мне на гадания средств не выделял, так что пришлось изворачиваться самому, влезать в долги... Кроме того, у Кушиуры очередь на полгода вперед. Ради того, чтобы ускорить ее хоть вполовину, я переплатил втрое...

– А стоило оно того? – проворчал Ким. – Чем он так замечателен, этот Кушиура?

– Непревзойденной точностью предсказаний, – серьезно ответил Рей. – Вообще я наводил справки, Кушиура работает гадателем уже лет двадцать. Собственно, прежде его звали Чхун Дальнозоркий. До прошлого года считался неплохим, хоть и не особо выдающимся специалистом классического стиля, предсказывал будущее по чертам лица, дате рождения и линиям руки. Но около года назад он внезапно поменял метод и тут же пошел в гору. О нем заговорили даже в Небесном Городе. Ну, после этого народ повалил так, что теперь Кушиура еще не всякого примет. Взял новое имя – «Сокрытый». И деньги дерет совершенно несуразные...

– Знаю я этих модных гадателей. Видал во дворце Вольсон. Госпожи княгини от безделья постоянно приваживают всяких шарлатанов и льстецов. От их лицемерной святости меня просто воротит. И знаешь, какую забавную закономерность я заметил? Чем больше оплата, тем благоприятнее предсказание.

– Нет же, – с досадой отмахнулся Рей. – Разве я не отличу шарлатана от настоящего святого провидца?

– И в чем отличие?

– Хороший гадатель не льстит и не запугивает, а как бы дает совет. Понимаешь, когда будущее становится тебе известно, его можно слегка поправить. Смысл гадания именно в этом. Ты обретаешь частичную власть над своим будущим, получаешь возможность управлять своей судьбой... Правда, этой возможностью еще надо суметь воспользоваться.

– Ничего не понял.

– Ну, предсказание – это как будто карта, путеводитель. Тебе говорят: направо болото, налево обрыв, прямо лучше вообще не соваться, а если попробуешь в обход, то нарвешься на разбойников. А ты уж прокладываешь себе путь, учитывая все эти ценные сведения.

– Теперь понял, – кивнул Ким. – Нечто вроде разведки. Что ж, разумно. Я раньше как-то не задумывался над такими вещами. Всегда считал – судьба есть судьба, от нее не уйдешь. Знаешь ты будущее или не знаешь, изменить ничего нельзя...

Тут Ким замолчал. Ему неожиданно вспомнился давешний лазутчик в черном с его зловещими предсказаниями и кровожадными предложениями. В свете сказанного Реем действия лазутчика приобретали определенный смысл. И посещение гадателя тоже могло оказаться небесполезным.

– самого-то главного я и не спросил! Что за метод у этого Кушиуры? Говоришь, он придумал что-то особенное?

Рей усмехнулся:

– Тут целая легенда. Рассказывают, что наш гадатель очень удачно повстречался на базаре с одним юродивым и не пожалел подать ему на бедность несколько грошей.

А тот, как водится у бессмертных, отдался неким тазиком...

Дом гадателя оказался попросторнее, чем городская усадьба Люпинов. И сразу было видно, что разбогател наставник Кушиура совсем недавно. У ворот высились пыльные кучи щебня и песка, громоздились каменные блоки. Дом перестраивался с размахом, явно по образцам помпезных особняков Поднебесного Удела. В ансамбле были широко представлены многочисленные архитектурные излишества, на которых наживаются подрядчики, начиная от кричащего золочено-багрового портика, за который вполне можно было угодить под суд (по статье «оскорбление государя путем использования недозволенных цветов в одежде и отделке помещений»), заканчивая последним пискom моды – открытой верандой на крыше для удовлетворения насущной человеческой потребности полюбоваться ночным небом.

Ким тут же заявил, что они ошиблись адресом: этот выдающийся образчик безвкусицы принадлежит явно не великому провидцу, а скорее какому-нибудь ростовщику. Рей на это ответил, что дом гадателя – классический пример того, что внезапно разбогатевший интеллигент выказывает в быту гораздо более дурной вкус, чем самый необразованный торгаш.

– Не обращай внимания, – добавил он. – Это, к сожалению, не редкость – когда талант человека больше, чем он сам.

На полированных ступенях «недозволенного» портика Кима и Рея встретил исполненный собственной важности упитанный подросток в зеленом вышитом кафтане. Представившись учеником святого наставника, он спросил имена гостей, провел их в гостиную и усадил за стол. Второй ученик – помладше, в синем кафтане без вышивки, с потешным хвостиком на макушке, – подал чай.

– Уважаемые гости, – произнес старший ученик юношеским баском, – прошу вас подготовиться и настроиться соответствующим образом.

– Это как? – поинтересовался Ким.

– Расслабиться, успокоить мысли созерцанием прекрасных творений, коими наполнен этот зал, – не моргнув глазом, пояснил подросток.

– Что-то не пойму.

– Понимать не нужно. Нужно ощутить. Ученик плавно повел широким рукавом, обводя залуцу, напоминающую небольшой таможенный склад.

– Просто наслаждайтесь чаем, господа, и ни о чем не думайте. Волшебные свойства сих сокровищ духа проявятся сами собой.

Ким собрался что-то сострить, но Рей пихнул его в бок. Ученик с достоинством поклонился и вышел, прикрыв за собой вычурную резную дверь.

Чай, как ни странно, оказался неплох и очень к месту. Терпкий до горечи, вязущий, с дымком, он настраивал на суровый, возвышенный лад. Так и представлялась тростниковая хижина в зимних горах, тронутая ледком вода в бамбуковом ведре и отшельник с глиняной чашкой в задубевших от мороза руках...

– А где волшебный тазик? – шепотом спросил Ким. – Прохудился?

Он обшарил взглядом все вазы, блюда, свитки, старинные бронзовые зеркала, гадательные нефритовые диски и прочие «сокровища духа», выставленные в зале, однако самого интересного не нашел.

Рей бросил на него недовольный взгляд и молча поднес к губам чашку. В душе он уже пожалел, что привел сюда насмешника Кима, который, как и положено юноше из клана потомственных военных, не верил ни во что сверхъестественное, кроме предков-покровителей и бога

войны Хенму, да и то только перед битвой. Сам-то Рей сидел как на иголках. Он относился к гаданиям очень серьезно и теперь трепетал, словно в ожидании приговора. А что если Кушиура предскажет неудачу? Что если путь бессмертного ему закрыт? На миг Рей даже заколебался – не отменить ли сеанс? Недаром же лучшие умы империи утверждают, что заглядывать в будущее – недешеполезное дело...

Тут створки резных позолоченных дверей бесшумно распахнулись, и в зальцу вошел – вернее, вплыл – великий предсказатель Кушиура. Гости быстро встали, приветствуя хозяина церемонными поклонами. Рей даже коснулся пальцами пола, демонстрируя глубокую почтительность. Ким слегка склонил голову и тут же выпрямился, поедая гадателя любопытным взглядом.

– Приветствую вас в моей развалюшке, благородные господа, – Кушиура слегка поклонился в ответ. – Приношу извинения за неудобства и прошу садиться.

Из-за его спины выступили оба ученика. Младший затворил двери, достал из-под мышки скатанный в трубку коврик, расстелил его на возвышении у восточной стены, кошунственно напоминающем императорский трон, быстро убрал со стола поднос с чайными чашками и тихонько исчез. Старший помог учителю сесть на возвышение, после чего устроился за его спиной, развернул свиток и принялся готовить письменные принадлежности.

Облик гадателя Кушиуры внушал трепет и даже слегка пугал. Он напоминал не до конца ожившее изваяние одного из богов Верхнего мира, сбежавшее из какого-нибудь столичного храма. Набеленное до мертвенной белизны, словно каменное, лицо выражало полную безмятежность. Глаза обведены кобальтом, чтобы придать радужке колдовской синий отлив. Распушенные черные волосы прикрывает замысловатая высокая шапка – тройные бабочкины крылья из жесткой черной парчи, расшитой золотыми жуками гадательных символов. Долгополый кафтан из темно-зеленого шелка расшит золотом так густо, что поскрипывает при каждом движении. Темно-зеленый выбран умышленно – это цвет женского хэ, связанного с магией луны и воды, с гаданиями, а кстати, и с некромантией. Золотой узор напоминает чешуйки, чтобы вызвать ассоциацию с драконом (рискуя подпасть под статью «о присвоении знаков и символов, не соответствующих истинному рангу»).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.